

Свѣтѣлѣ Досифеѣ

Рясѣфорный монахъ
(дѣвица)

СКАЗАНИЕ

о преподобной Досифее,
подвизавшейся под именем
старца-затворника и рясофорного монаха
Киево-Печерской Лавры Досифея

Составитель
Владимир Зноско

СКАЗАНИЕ

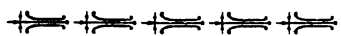
о преподобной Досифее,
подвизавшейся под именем
старца-затворника и рясофорного монаха
Киево-Печерской Лавры
Досифея

Общество любителей православной литературы
Издательство имени святителя Льва

Киев 2009

По благословлению
Блаженнейшего Владимира,
Митрополита Киевского

ISBN 485-779 © Общество любителей православной литературы. Издательство им. свт. Льва.
2008 . Набор, верстка, оформление.

*Те, которых весь мир
не был достоин, скитались по
пустыням и горам, по пещерам
и ущельям земли (Евр. 11: 38)*

Знаете ли вы, кто благословил и наставил на великий подвиг спасения души новоявленного угодника земли Русской пр. Серафима?..

Знаете ли вы, кто повелел ему отправиться в Саровскую обитель, дабы, поселившись, искать там молитвенного убежища и тихого приюта, для начатия иноческих подвигов, — тех подвигов, которые своим величием изумили весь православный мир и доставили Угоднику великую славу на земле и райское блаженство на небесах?..

*Имея тщание о подвизе иноческаго жития, — так поется в Акафисте пр. Серафиму, — во свя-
тый град Киев поклонения ради преподобным Пе-
черским притекл еси и от уст преподобнаго До-
сифея повеление приим в пустыню Саровскую
путь свой управити, верою издалеча облобызал
еси место святое сие и тамо вселився житие*

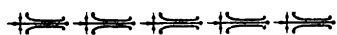

твое богоугодно скончал еси... Радуйся, пр. Серафиме, Саровский чудотворче (Икос 3).

Итак, имя сему старцу — Досифей.

Скромно и незаметно протекала благочестивая жизнь его, среди пещерной тесноты и иноческого затвора, но память о Досифее, как о великом подвижнике-прозорливце, передается из рода в род. Ровно 130 лет прошло со дня кончины его, но редкий из богомольцев, поклоняющихся святыням Киева, посетив Китаевскую пустынь, уйдет оттуда, чтобы не поклониться на прощании и могиле сего дивного старца и не взять на память горсточку земли...

Итак, многие слышали о Досифее. Но едва ли знает кто что-либо о его жизни. Об этом я и хочу рассказать вам.

I

Происхождение Старца Досифея. Детство. Бабушка Порфирия. В Вознесенском монастыре. Воспитание. Отрочество. Возвращение в родительский дом. Первые христианские подвиги. Нелюбовь домочадцев. Тайные думы. Побег из родительского дома. В Москве. Не Дарья, а Досифей. В Троице-Сергиевой Лавре. Начало иноческих подвигов. Встреча с родными. В Киево-Печерской Лавре. Недоверчивость монастырских властей. На Китаевской горе. Ископание пещеры и затвор. Молитвенные подвиги, бдение и пост. Тайное становится явным. Пребывание Императрицы Елисаветы Петровны в Киеве. Посещение ею Китаевской пустыни. У пещерника Досифея. Пострижение в рясофор. Мешок с золотом. Нестязательность.

Это было давно, в 1721 году. В богатой и знатной родом семье Рязанских дворян Тяпкиных*)

*) Род Тяпкиных, по сказанию древних родословцев, происходит «от мужа честна Василия Варгоса», по прозва-

родилась дочь. После обычного веселья и радости родительской, младенец был крещен, и наречено было имя ему Дарья. Окруженное роскошью и довольством, лелеемое ласками родителей, слуг и сестер дитя понемногу росло и обещало быть в будущем украшением семьи. Казалось, все земные блага собирались вокруг хорошенького дитяти, чтобы предоставить, с течением времени, всевозможные утехи и радости жизни, но... судьба решилась иначе.

Незадолго до появления Дарьи на свет, бабушка ее, желая посвятить остаток дней своей жизни на служение Богу, отправилась по обещанию в Московский Вознесенский монастырь*) и там постриглась в монахини с именем Порфирии.

нию «Погожий», выехавшего в 1380 году с Ольгердовичами на Мамаево побоище, затем оставшегося в Москве и бывшего окольным Димитрия Донского. Его младший сын Михаил, по прозвищу Тяпка, был родоначальником Тяпкиных. Иван Иванович Тяпкин был наместником в Калуге в 1522 году, а племянник его Матвей Семенович — наместником в Мценске в 1537 году. Василий Михайлович Тяпкин был посланником в Польше (1674—1676) и в Крыму (1683) и думным дворянином.

*) Девичий, I класса, подле Спасских ворот.

Монастырь сей первоначально построен великою княгинею Евдокиею, супругою Димитрия Донского, а сама княгиня, во инокинях Евфросиния, нетленно почивает в главном храме воздвигнутого ею монастыря. Неудивительно, поэтому, что монахиня Порфирия не пожелала никуда более удаляться на покой, как только под кров и заступничество той, от мужа которой ее давнишние предки, за свою верную и честную службу, получили большое богатство и высокую знатность рода.

Когда малютке Дарье исполнилось два года, благочестивые родители ее решили отправиться в Сергиевскую Лавру на богомолье. Не желая оставлять Дарью на попечение слуг, они взяли ее с собой. По пути они заехали в Москву и, поклонившись кремлевским святыням, остановились в Вознесенском монастыре, чтобы погостить несколько дней у старицы Порфирии.

Когда любвеобильная бабушка в первый раз увидела свою пригожую внучку, то до того привязалась к ней всей душой, что ни за какие блага не пожелала расстаться с маленькой крошкой.

— Нет, — сказала она, — я ни за что не отпущу ее!.. Пускай эта малютка будет здесь для меня светлым ангелом, покоящим исход моей старости... Я отдам ее на попечение блаженной княгини Евфросинии, и она, своими святыми мо-

литвами и материнским хотением, поведет ее благим путем жизни...

Долго не решались родители расстаться с маленькой Дарьей, но, видя неотступные просьбы богобоязненной старицы Порфирии, с глубоким вздохом в сердце оставили Дарью в Москве.

И вот, с этого времени, маленькая Дарья поселилась у бабушки в келии. Тесна и не весела была эта монастырская келия, но какая-то невидимая благодать осеняла в ней двух обитательниц. Не было здесь ни крику, ни шуму, ни ругани. Не слышно было ни дикого хохоту, ни праздных речей, а царила таинственная тишина, да слышался запах благовонного ладана и лампадного масла. Изредка только, когда бабушка Порфирия праздновала день своего ангела, собирались к ней с поздравлением почтенные старицы — монахини, да и то ненадолго: попьют кофейку с сухарями, потолкуют о грехах своих, да о судьбе человеческой, и так же тихо как пришли, по кельям своим разбредутся. И снова мир и тишина... И снова бабушка с внучкой в келии одни...

Дарья от природы была девочка кроткая, вдумчивая, памятливая, умная. Каждое движение бабушки не ускользало от внимания ее пытливых очей, каждое мудрое слово и ласковый совет глубоко западал в ее нежное сердце. Стоит Порфи-

рии только глазом моргнуть, — внучка уже чуть-ем знает, чего для бабушки нужно. Так и следит, чтобы не огорчить родимую чем. И Боже сохрани если бабушка захворает когда! Нет тогда покоя маленькой внучке: целый день у постели сидит да слезами горькими обливается...

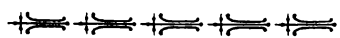
Рано приучила бабушка Дарью к послушанию и порядку. Бывало, чуть только солнышко заглянет, — маленькой Дарье уже не до сна. Словно трудолюбивая пчелка с постельки схватится и ну за работу скорей.

Все образа от пыли насухо перетрет, лампадки перед ними заправит, постельку бабушке приберет, келейку тряпочкой подмоет; всюду чистоту да порядок наведет. А бабушка глядит и не налюбуется: «Экое, мол, сокровище приобрела...»

А уж как любили они друг друга: и спят, и едят, и по саду гуляют — все вместе. Кажись не только часу — ни одной минуты друг без друга прожить не могли. Ибо не раз, бывало, проснувшись ночью, и не видя в постели близ себя любимой бабушки, Дарья подымала с тревогой голову:

— Бабушка, где ты? — вопрошала она.

Но бабушка безмолвствовала. Углубившись в молитву, она стояла на коленях в углу и, ежеминутно осеняя себя широким крестом, клала перед образами бесчисленные поклоны.

— Бабушка, да где же ты? — снова беспокоилась Дарья. — Мне страшно, бабушка... Я боюсь одна...

— Спи мое дитяtko... Спи родимое... Милость Господня с тобой... — отвечала, наконец, бабушка и, успокоив малютку, снова углублялась в молитву.

Но Дарья не спала. Широко раскрытыми очами следила она за движениями бабушки. Большие разноцветные лампы ярко теплились перед дорогими образами, едва освещая окружающие предметы, и распространяли по келии приятный полусвет. Кругом была мертвая тишина. Только изредка слышно было, как старческие губы богобоязненной Порфирии шепотом твердили святыя слова вдохновенной молитвы... Чудно было глядеть Дарье. Чудно и любо. Кажись, целый век не спала бы. Все слушала бы, как молится бабушка, все повторяла бы за ней дивныя слова вдохновенной молитвы.

Да, великие это были минуты в жизни Дарьи. Добрым семенем запали они в ее детское сердце.

Монахиня Порфирия давно видела благия стремления понятливой внучки и со всем рвением многоопытной души спешила посвятить маленькую Дарью в тайну величия Божия. Она стала рассказывать ей о том, что солнце, луна и

прочие небесные светила, а также люди, животные и все находящееся в мире предметы созданы рукою Всемогущего Бога, во власти Которого все на земле. Стала рассказывать ей о том, как грешные люди своими беззакониями прогневили Творца и подвергнулись за сие жестокому наказанию. Но милосердный Господь, дабы искупить вину рода человеческого, ниспослал на землю Единородного Сына Своего, Который творил чудеса и, распространяя правду Божию на земле, претерпел от людей большое поношение и умер за грехи их на Кресте. И вот, для того, чтобы не прогневать более Творца и дабы заслужить его драгоценную милость, каждому человеку надлежит молиться в храме Божиим, молиться не как-нибудь, а со слезами, усердно и, живя со всеми в мире и согласии, надлежит слушаться и почитать старших...

С глубоким вниманием слушала маленькая Дарья мудрые наставления бабушки Порфирии. Детское сердце ее, объятное огнем божественной любви, от всей чистоты своей возлюбило Распятого Господа. Храм Божий сделался для нее, с этих пор, самым излюбленным местопребыванием. Бывало, чуть только начнется благовест, Дарьюшка вся так и встрепенется. Сейчас начинает бабушку торопить: то мантийку ей подаст, то кло-

бучек с четками отыщет: «Скорее, мол, не то опоздаем...» Другие дети придут с матерями в церковь, — вертятся кругом, плачут, смеются. А Дарья — стоит, не шелохнется. Только все на инокинь посматривает: те — поклон, и Дарьюшка бух наземь; те — крестным знаменьем ограждаются, и Дарьюшка от них не отстаёт. Да и как креститься умела: взрослому от нее поучиться!..

Но вот обедня кончилась. Станет бабушка, по выходе из церкви, милостыню подавать, внучка — тут как тут: немедленно собственными руками облагодетворит бедняка.

— Бабушка... не надо... Я сама раздавать буду!..

А бабушка ей в ответ:

— Одевай, одевай, родимица.

И тут же учить начнет, что все люди суть создания Единого Бога и от одного человека произошли. А потому, кто любит и верит в Бога, должен любить и творить добро ближнему своему, ибо вера без добрых дел мертва и не приведет человека к вечной жизни. *«Всякому просящему у тебя дай... От хлеба твоего даждь алчущему и от одежд твоих нагим»*.*) А внучка слушает да запоминает и тотчас норовит случай найти, чтобы доказать свои знания делом. Увидит, например, что

*) Тов. 4: 16—17.

бабушка мало ест и постится, сейчас и сама начнет подражать ей. А чтобы не увидал кто — свое съедобное странничкам да убогим отдаст. Бабушке и невдомек, что маленькая постница ради Господа голодает.

Так проходили дни за днями. Дарьюшка росла и крепла телесно, развивалась и совершенствовалась духовно. Грамоте Дарья научилась в монастыре и к 7 годам знала наизусть множество молитв. Немало с этих пор новых понятий зародилось в ее юной голове. Она вполне уже сознавала величие Божие и без труда умела различать зло от добра. Правда, не сразу достигла Дарья такого совершенства. Много труда и мудрости употребила бабушка, чтобы воспитать ее в страхе Божиим. Увидала, например, однажды, что Дарья по нерадению милостыни бедняку не подала, грязным, оборванным видом его погнушалась, тотчас в келию его позвала, и заставила внучку служить за столом.

— Кто не любит человека, не может любить и Бога, — во гневе сказала ей Порфирия.

И вот, на будущее время, всякое дело, за которое бралась Дарья, приучала ее творить с большим вниманием и аккуратностью, хотя бы дело это было и маловажно. Когда же Дарьюшка отличалась и преуспевала в чем-либо, то, отнюдь, ни-

когда не хвалила ее, а наоборот, даже посторонних просила порицать и бранить ее. Но этого мало. Каждый вечер, пред молитвословием и отходом ко сну, бабушка становила Дарью перед образами и приказывая исповедывать вслух все дневные грехи, приучила этим ее к самоуничтожению и кротости... Нарядами бабушка Дарью также не баловала. Если и случится, бывало, надобность одеженку ей справить, то прежде заставит Дарью собственными руками смастерить себе и только после этого заказ портнихе сделает. Таким путем бабушка приучила ее к бережливости и труду, так что когда Дарюшка подросла, то ни одной минуты не могла в келье без дела просидеть. Либо станет Порфирии келейное правило вычитывать, либо рукоделием займется, а то увидит, что бабушки взгрустнулось, о грехах своих значит мается, — сейчас к матушке-игуменье побежит, священную книжечку от нее раздобудет.

— Хочешь, бабушка, я тебе о райских блаженствах или мучениях во аде почитаю?

И начнет звонким, ангельским голосом вычитывать:

— «...И придут на тя вся клятвы сия и поженут тя, дондеже потребят тя: яко не послушал еси гласа Господа Бога твоего, еже хранить запо-

веди Его и оправдания Его, елика заповедал тебе», и т.д.*)

А бабушка сидит, умиляется, и горячие слезы греховного раскаяния бесконечно текут по старческим, впалым щекам...

Когда Дарье исполнилось 9 лет, родители решили взять ее из монастыря. Не по сердцу пришлась такая вестъ благонравной юнице. Но делать было нечего. Честь дворянского рода, к которому принадлежала Дарьюшка, требовала от нее светского воспитания и разностороннего образования в науках. Об этом-то больше всего и беспокоились ее родители, для этой цели они и приехали за нею в Москву. Кроме того, бабушка Порфирия, чувствуя ослабление сил и приближение смерти, возымела ревностное желание облечься в великий ангельский образ — схиму. А потому, при всей строгости своей подвижнической жизни, необходимо было для нее совершенное уединение и безмятежный покой, присутствие же постороннего лица послужило бы большою помехой при выполнении ею новых монашеских правил и схимнических обетов. Оно, конечно, жаль было расставаться бабушке с любимой внучкой. Целых 7 лет учила она ее,

*) Втор. 28: 12—45.

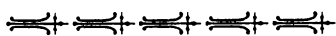
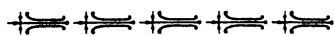
воспитывала как родное детище и всею душою и сердцем успела привязаться к ней. Но хотя и много горьких слез было пролито ими при прощении, однако настойчивые требования родителей сделали свое дело. Благословив внучку маленьким образом, бабушка Порфирия рассталась с нею навсегда. Прошло недели 2—3, и юная подвижница Дарья переступила порог родительского дома...

Жутко показалось Дарье на первых порах ее новой, неизведанной жизни. Что-то чуждое и непонятное таилось в каждом незнакомом уголке большого, барского дома. Что-то новое и противное сердцу виднелось во всем. Там, в монастыре, она привыкла к воздержанию и порядку, — здесь преизбыточествовала роскошь и довольство. Там привыкла она ложиться рано и вставать за-светло, — здесь все просиживали до полуночи и валялись в постели до позднего утра. Там была совершенная тишина, витало безмолвие и душевный покой, — здесь царила невероятная суета: слышались бесконечные крики, ругань господ, да слезы крепостных слуг, и разносился по всем углам веселый смех домочадцев. Некогда было ни книжечку почитать, ни Богу порядком помолиться. Ибо там, в Вознесенском монастыре, храм Божий был открыт постоянно, и богослу-

жение совершалось каждый день, а здесь, в соседнем селе, батюшка был старый, да хилый, и служил одну только литургию по воскресным и праздничным дням. Да и родные, по правде сказать, не особенно ее характеру потачку давали. Увидели, что Дарьюшка за 7 лет одичала, от людей отбилась совсем, стали ее благородным манерам учить, француженку-учительницу к осени выписать собирались.

Но Дарья вышла из монастыря совершенною монахиною. В среду и пятницу она не принимала ровно никакой пищи. Да и в прочие дни ни мяса, ни молока, ни яиц совсем не употребляла. Как истая христианка Дарья была смирна и незлобива: кроткая поступь, кроткое сиденье, кроткий взгляд, кроткое слово. С высшими и низшими по званию была одинаково равна, никому не противоречила и никого не оскорбляла ни словом, ни делом, ни зрением своим. Только и старалась об одном, чтобы не досадить чем-нибудь ближнему своему. Даже крепостная девушка, приставленная к Дарье для комнатных услуг, получала от нее одну лишь сердечную усладу и большое душевное утешение... Несмотря на окружавшую ее роскошь и богатство, Дарья не искала земной пышности, славы и блеска, а, отвлекая ум свой от суетных мыслей, старалась возвести его горе, к Господу

славы. Сердце ее было преисполнено страха Божия. У кого же *страх Господень* — тот *ненавидит неправды* (Притч. 8: 13). Приученная еще в детстве простирать свои руки к скитальцам и странникам, Дарьюшка и теперь старалась быть утешительницею печальных: вводила бедняков в свою комнату и разделяла с ними хлеб и питье. Родные недоверчиво косились на нее, бранили бабушку за внушение Дарье монашеских идей, смеялись над юною подвижницей, но все было тщетно. Дарья неуклонно шла по пути истины, и, выступив на стезю добродетели:

В Христе все мысли заключала,
Жила с Ним сердцем и душой,
Его вождем души избрала
И ум Ему отдала свой...

Постелью служила ей узкая доска, а изголовьем — мешок, наполненный сеном. Когда домашние вопрошали ее, зачем она так делает, Дарья отвечала:

— Чем менее душа прилепляется к земному, тем выше возлетает она. Ибо для того человека, который искренно стремится к небу, все земные вещества становятся отвратительными и лишними...

Но окружающее ее люди в недоумении качали головой. И не только близкие соседи дивились ее странностям, но даже привычные к тому родные смотрели на нее как на зачумленную. Бывало, скажут:

— Дарьюшка! Ты бы почище принарядилась. Сама видишь — разные гости к нам наезжают. На тебя, замарашку, зарятся. Сейчас по всему свету разнесут: богатая девушка, а в нищете ходит...

А Дарья им в ответ:

— Нет на свете богаче Христа Царя нашего небесного. Но и Он в нищете ходил, не имел где главы поклонити... А я что перед Ним?.. Знайте же, что я не стремлюсь украшаться нарядами, а хочу украсить себя божескою правдою.

А то, бывало, станут сестры или подруги на бал к соседям собираться, придут Дарью с собою звать, но она ни слова в ответ не промолвит, только в комнату молча уйдет, да на ключ от них и запрется. Впрочем, что и говорить об этом. Не только игралищ, да танцевальных вечеров избегала Дарья, — даже всякого общения с людьми удалялась она. Бывало, чуть только услышит, что бубенчики во дворе забрякали, дальние гости, значит, на лошадях приехали, — сейчас в тенистую аллею отцовского сада заберется и так до самого утра глаз своих домой не показывает. Гости

до полуночи сидят: пьют, едят, веселятся, а Дарья в тиши ночной усердно Богу молится и поверяет Ему свои тайные думы:

«Меня страданья истерзали,
Изнемогла с нуждой в борьбе, —
Кому ж повем мои печали.
Спаситель мой, как не Тебе.

Кому открою тела раны,
Всю душу скорбную мою,
Больного сердца все изъяны
Пред кем слезами оболью?..»

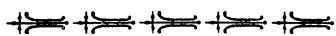
Родные на другой день с досадой и спрашивают:

— Ты где была?!

— С Богом душой беседовала, ибо в писании сказано: «Удалися от зла и сотвори благо...»

— Ах ты, бесстыжая!.. Смотри, что выдумала?!.. Она творит благо. Да знаешь ли ты, что своими постоянными странностями ты осрамила честной наш род?

— Родные мои! Если я буду заботиться, чтобы не осрамить вашей чести, то легко могу поддаться искушению и тем самым могу осрамить всенепорочное имя Господне.

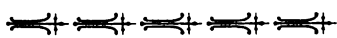
— Но ведь ты забываешь, что ты наша дочь и сестра, а живешь как чужая.

— Простите меня, ради Бога... Я люблю вас всех... Люблю горячо и сильно... Но знайте, что эту любовь, это плотское родство, я давно решила принести в жертву духовному родству. Душа моя ныне возлюбила Господа, а сердце отдано Тому, Который сказал: *всяк, иже аще сотворит волю Отца Моего Иже есть на небесех, той брат Мой, и сестра, и мати Ми есть.*)*

Но домашние на это ни слова не могут сказать. Выслушают, покачают в недоумении головой, да и прочь отойдут: «Ничего, мол, с нею не поделаешь...»

Много натерпелась Дарьюшка. Много тайных слез пролила она. Уж очень не нравилось ей жить с родными, дома, в семье. Слишком шумно, да весело было там. Оно понятно: старшие сестры пригожи были, женихов к себе поджидали. К тому же и сама Дарьюшка подрастала. Ей было 15 лет. И хотя тело ее было измождено суровым постом и молитвою, однако не могло лишить ее природной красоты. А родные только того и ждали, чтобы поскорее ее замуж сбыть. «Авось, — думают, — в супружестве опомнит-

*) Мф. 12: 50.

ся, *блажь* из головы выкинет...» Неразумные! Они не ведали того, что душа Дарьи совсем не лежала к миру. Они не знали того, что никакой *иной дух*, кроме Св. Духа только, в состоянии был влить мир и спокойствие в ее наболевшую душу. Всем, кажется, известно, что для женщины нет третьего жребия. Их только два: или Бог, или человек, т.е. муж. Значит, — или распятие Христу, или земное счастье. Но ведь земного счастья не искала Дарья, а Царство Христово, к которому стремилась она, было не от мира сего. Ибо кто живет в мире, тому трудно достигнуть умиротворения помыслов, так как он видит пред собой много зла, которое, оставаясь в памяти, непрестанно теснится и производит в мыслях большое замешательство... Правда, нельзя было сказать этого про Дарью. Целость неистраченных чувств ее была сохранена вполне. Но она не могла бы принести счастья своему мужу, так как в сердце хранила перевес любви к Богу. Об этом не раз размышляла и сама Дарья и решила до конца жизни сохранить в себе непорочное девство.

— Пускай же замрет во мне все жизненное у подножия креста Христова, — думала она, — ибо я верю, что вслед за ним взойдет заря радостного утра и воскресения...

Недолго после того терпела да страдала Дарьюшка. Она ждала только удобного случая, чтобы покинуть навсегда родительский дом. Правда, не легко было это сделать. О чем бы она ни думала, куда бы ни шла, повсюду ее тревожил вопрос: «А мать, а отец?.. Как расстанусь я с ними?.. Как покину их на старости лет?.. Как уйду без благословения родительского?..» И словно в ответ, какой-то невидимый голос сладко шептал: *«Всякий, кто оставит дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать... ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную».*)*

— Блажен!.. — восторженно восклицала тогда Дарья. — Блажен покинувший отца и мать ради Господа! А я чего прозябаю тут? Зачем медлю начинать подвиг спасения? Отчего услаждаю себя приятными яствами да напитками, когда, быть может, нищий бедняк ежедневно грызет сухую корку черствого хлеба? Зачем беспечно и лениво валяюсь на мягкой постели и не думаю вовсе о том, что, быть может, несчастный больной лежит в это время на голой земле и мокнет под дождем, согреваясь накинутым рубищем. Ох, горе мне, горе, окаянной! Горе мне, попирающей заповеди Христа!..

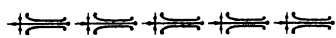
*) Мф. 19: 29.

И Дарья порешила во что бы то ни стало уйти в монастырь. Но куда? В какой монастырь? Эх, не все ли равно!.. Лишь бы только поскорее пристать к тихой пристани... Господь милосерд. Он очищает и возводит избранных Своих к высшему совершенству разными путями жизни, сообразно с их духовным состоянием. Вот, например, пр. отроковица Мария, переодевшись в мужское платье, поселилась вместе с отцом в мужском монастыре и, под именем Марина, спасалась там, преуспевая в добродетелях и творя чудеса... Или пр. Евфросиния — 16 лет от роду — также переделась в мужское платье и, под именем Царского евнуха Измарагда, пришед в мужскую обитель, навсегда поселилась там. Целых 38 лет прожила она в этой обители и только за три дня перед кончиною своею, когда лежала на одре в болезни, открылась пришедшему в монастырь отцу своему, что она его дочь.

Отчего бы и мне не последовать их благому примеру? Неужели у меня не хватит для того силы воли? Неужели Господь не поможет мне унести себя Христу. О, нет! Я верю всему. И вера моя спасет мя...

Долго размышляла об этом Дарья и страшилась одного, чтобы постоянное откладывание

«до завтра» не вызвало неудовольствия Божия. Еще боялась того, чтобы совесть ее, успокоенная этим «завтра», не замолкла совсем, а желание прервать сообщение с миром — не показалось для нее непосильною жертвой и, вместо решения устроить побег из родительского дома, не вкралась жалкая мысль оставить это решение без надлежащего исполнения. Ибо *никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия.*)* И даже мысль о том, что неудачный побег может быть замечен родными и, вместо приобретения свободы, необходимой для выполнения тайных замыслов, ее могут вернуть с позором домой, — не могла поколебать предпринятого решения.

— Господи, Господи, *взыска Тебе лице мое*, — со слезами взывала Дарья и пламенно молилась Творцу, в надежде на Его неизреченную милость. И что же:

Молитва небо отверзает;
Что с верой просим у Творца —
Все нам Всевышний посылает,
Являя милость без конца...

*) Лк. 9: 62.

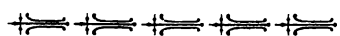

Сердцеведец всей твари Господь, внимая тайным помыслам отроковицы Дарьи, не замедлил устроить благое хотение ее...

Наступил 1736 год. На дворе стоял май. Весна была ранняя, теплая, приятная. Скучно бывает сидеть в такое время дома, взаперти. Утомленная однообразием комнатной обстановки человеческая душа рвется куда-то вдаль, в лес, надеясь отдохнуть на широком просторе обновленной природы. И вот, в один из таких майских дней, когда погода выдалась ясная, тихая, благоуханная, Дарьины сестры решили уйти в лес. Еще с раннего утра стали собираться они, запасаясь провизией и корзинами. Но чтобы им веселее было резвиться — задумали пригласить с собою младшую сестру.

— Дарьюшка, — сказали они, — сегодня мы отправляемся в рошу... Ты никогда не сопутствуешь нам, а всегда убегаешь от нас. Быть может, на этот раз согласишься, милая, погулять с нами?

Они думали, что сестра, по обыкновению, ответит отказом, но Дарья не колебалась ни минуты и с восторгом согласилась на предложение. Она как бы давно ждала этого случая, а потому какая-то трепетная радость мгновенно охватила все ее существо.

Роща была недалеко. Густым, зеленым шатром раскинулась она под голубым небом, удерживая внутри себя густой аромат весеннего воздуха. Высокие сосны, перемешавшись с ветвистыми елями, тихо покачивались своими верхушками, бросая на землю сладостную тень... Целые рои пернатых пташек радостно порхали, перелетая с ветки на ветку... В густой чаще зеленых кустов звонко переливались соловьи, пронизывая воздух голосистыми трелями... Вдали куковала кукушка... Все в природе, казалось, ликовало, все благодарило и славilo Творца.

— Господи, Господи, — умиляясь сердцем восклицала Дарья, — вся премудростию сотворил еси. А мы, грешные, стали недовольны ничем и, наполняя землю беззакониями и поступками, снова как бы распинаем Христа. Каждый живет только для себя и, упиваясь земными наслаждениями, не мечтает о загробной участи. Никто не желает ведать, что человеческая жизнь — это море, воздвигаемое бурей напастей, соблазнов и страстей. *Кая польза человеку, аще мир весь приобретает, душу же свою отщетит?*)* Не дай же и мне, Господи, погрязнуть в тине грехов. Настави мя на путь истины и приведи к вратам небес-

*) Мф. 16: 26.

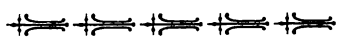

ного града. Душа у меня одна. Одно и время жизни. Конец же ее неизвестен. Воздушная же пучина непроходима и наполнена яростными врагами. Нет помогающего мне, кроме Тебя, о, Господи! *Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!..**) Унести же меня, сладчайший Христе, и не изжени, к Тебе грядущую, вон...

И снова вспомнилась Дарье тихая, уютная бабушкина келья и вся монастырская жизнь. Целые десятки приветливых, боголюбивых и кротких сестер окружали ее там. Ласковые, добрые были все. Бывало, выбежит Дарья на двор, — каждая с поцелуями навстречу спешит: «Здравствуй, монашенка наша!.. Здравствуй, постница маленькая!.. Игуменья-крошечка... Сосуд избранный... Роста, дорогая, во славу Божию, да благословит тебя Бог...»

— Да, хорошо было жить в монастыре! Ибо только там, вдали от суетного мира, забот и тревожений, легко бывает очищать тело постом и истощать его жаждою, а душу — украшать смирением, наполняя ее благоуханною молитвою. Но здесь?.. О, как тяжело выступать в миру на скользкий путь тернистого подвига! Пытливый ум

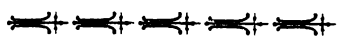
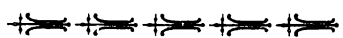
*) Пс. 41: 2.

упорствует и не хочет отвлекаться от суетных мыслей и восходить горе к Богу. И как тело, лишаемое пищи, ослабевает, так и душа, лишаемая молитвенной пищи, приближается к расслаблению и мысленной смерти...

Дарьюшка оглянулась. Кругом не было никого. Сестры ее незаметно отстали и ушли в сторону. «Ау!.. ау!..» — перекликались они друг с дружкой. «Ау!.. ау!..» — вторило им далекое эхо. Дарья остановилась. «Неужели сейчас? — думала она. — Конечно сейчас... Никто не увидит меня... Никто не откроет моего тайного побега... Только одни безмолвные деревья будут немymi свидетелями сокровенного замысла!..» Итак, скорей! От сего часу она не принадлежит более миру, она отдает свою жизнь на служение Богу... Широким крестом осенила себя Дарья и твердыми, решительными шагами направилась вперед...

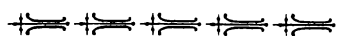
Напрасно милые сестры звонкими голосами звали ее обратно домой. Напрасно с горьким плачем и дикими воплями искали ее по лесу. Дарья не откликалась. Она без оглядки шагала вперед. Вот она уже далеко от них. Не стало более слышно испуганных голосов. Роща кончилась. А там, впереди, изгибаясь змеей, показалась большая дорога. «Прощай родимый дом, свидетель бывшего рождения на свет! Прощайте и вы, живущие в

нем, милые, близкие сердцу родные! Спасайтесь, бодрствуйте, молитесь. Буду и я молиться за вас. Только не ищите меня. Теперь я не для вас. Теперь я не от мира страстей. Я навсегда покидаю вас. Покидаю вас ради Господа. Помните же, — Дарья никогда более не вернется к вам!..»

Как молодой сокол, затомившийся в долговременной неволе, расправляет свои отяжелевшие крылья, так с тайною охватившею сердце радостью направилась Дарья к Москве. Со священным трепетом и вся преисполненная духовной жажды молилась она там. Роковой побег совершился. Оставалось только избрать место для начатия иноческих подвигов. И, не долго думая, Дарья направилась в Вознесенский монастырь. Войдя в церковь, она увидела бабушку. Спокойно молилась старица Порфирия перед образом Богоматери. Но как осунулась, как постарела она. Как изменились за эти 6 лет лица многих сестер. «Счастливые! — подумала Дарья. — Открыто и беспрепятственно вы отдали себя на служение Богу, а я... вынуждена прятаться, скрываться, терпеть...»

И воспламенившись сердцем Дарья хотела уже подойти ближе, чтобы поклониться в ноги дорогой бабушке и облобызать всех. Хотела даже пойти к матушке-игуменье, рассказать ей все свои приключения и просить о пострижении. Но

мысль, что она слишком молода и не достигнет желаемого успеха, охладила пыл ее пламеневшего сердца. А там, внезапно могут нагрянуть родные и, разоблачив место ее пребывания, силою возьмут ее домой. «Итак, нет! Не такая жизнь суждена мне... Не такой путь лежит предо мною!..»

И, не долго думая, Дарья вышла из монастыря, остригла волосы, приобрела на базаре мужское крестьянское платье и, переодевшись в него, направилась в Троице-Сергиевскую Лавру.

Трудно было признать в Дарье девушку, да еще благородного, знатного рода. Бледное исхудалое лицо, загорелое от солнца и долговременного путешествия, изменило нежные очертания красивого девичьего личика и сделало их более грубыми и мужественными. Низкий голос и степенная равномерная походка также не могли вызвать никакого подозрения. Но вот, наконец, пришла Дарья и в Сергиевскую Лавру.

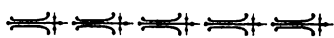
Не раз бывала она здесь. Часто приезжали они с бабушкой Порфирией на богомолье. А потому, каждое место, каждый уголок этой отечественной святыни остался у нее в памяти... Что же монастырское начальство? Оно приняло Дарью весьма благосклонно. Но проведав о том, что Досифей (таким именем назвалась Дарья по прибытии в Лавру) никто иной, как беглый юноша-крестья-

нин, отказалось наотрез постричь его в иноческий образ. Долго рассуждали старцы об этом и, наконец, разрешили Дарье пребывать в Лавре, тайно, на послушании.

— Видно, так Богу угодно, — подумала Дарья.

И, не находя никакого исхода и возможности к исполнению своего тайного намерения в великой России, не теряла надежды получить пострижение в Киеве, в малой России. А пока, до поры до времени, решила потрудиться в Троице-Сергиевой обители.

Не будем говорить о том, что все от души полюбили статного, юного и трудолюбивого беглеца Досифея. Ибо не было такого человека, которому не сумел бы угодить он. Не было такого послушания, на которое он не был бы способен. Всякий видел в нем пример истинного трудолюбия и постоянного стремления жить по-божески. Но скажем лишь то, что нелегко было спастись юной малоопытной девушке среди другого пола. Подумайте, сколько осторожности, сколько силы воли и внимания требовалось от нее, чтобы устоять от соблазна, от искушений и зла. Ведь и она была подобна другим людям, и, по греховным навыкам падшего естества человеческого, носила во внутренности своей неисчерпаемую глубину разврата и неиссякаемый источ-

ник грехов. Чем же ограждалась Дарья? А вот чем. До какой бы степени благости, добродетели, невинности и благочестия не достигала она, — всегда не переставала ходить со страхом и, в рассуждении целомудрия, никогда не полагалась на самую себя.

— Что я такое? — ежеминутно вопрошала себя Дарья. — Слабость, непостоянство, неверность.

И, оставаясь непрестанно на страже внимания, хранила глаза и уши свои, чтобы не услышать чего-либо, могущего осквернить ее душу. Наблюдая чрезвычайную скромность и строжайшую умеренность, уклонялась от ненужных, даже самых необходимых разговоров с мужеским полом и, чувствуя себя совершенно беспомощною находиться без присутствия благодати Божией, непрестанно молила Господа о неоставлении и помиловании ее.

Так начинал спасение Досифей, так закалял в себе терпение и могучую волю.

Прошло три года. Обезумевшие от горя родители, испытав все способы к отысканию пропавшей дочери, потеряли всякую надежду на ее возвращение и, наконец, решили попытать счастья, — лично приехали искать Дарью по Москве. На вопросы их у схимницы Порфирии, —

старица только с удивлением качала головой и, конечно, не могла дать никакого ответа. Тогда в большом отчаянии и сердечной тревоге родные отправились в Лавру пр. Серия и там усердно просили Бога и святых угодников Его, дабы им был открыт след пропавшей дочери. Молитва родителей была услышана. Когда Дарьяна мать со своею старшею дочерью стояли в церкви около солеи, мнимый послушник Досифей часто проходил около них, зажигая и погашая пред иконами свечи. Долго и внимательно разглядывала его родная сестра и, приковавшись вниманием, заметила в лице его удивительное сходство со своею пропавшею сестрою.

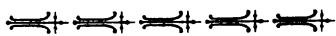
— Мамочка, мама, гляди, вон стоит Дарья!.. — шепотом воскликнула, наконец, сестра.

— Ах, что ты, родимая, да это — монах...

— Нет, нет, мамочка, — это она... Погляди лучше: и волосы, и глаза, и подбородок, и губы — все ее.

В это самое время Досифей оглянулся на толпу. С глубоким вниманием вперила отчаявшаяся мать свой пытливый взор в родное детище и какое-то внутреннее чутье тотчас подтвердило ей предположение старшей дочери.

— Господи!.. — зашептали ее побледневшие губы, — да неужели это *она*?.. Неужели это Да-

рья, мое родимое дитяtko, которую уже 3 года ищет истерзанное тоскою мое материнское сердце? А что, если и в самом деле это она? О, как возблагодарю тебя Боже, яко услышал еси глас моления моего!.. Но как же могло случиться это? Как попала она в сие святое место? Впрочем, что же я?.. Решительная, предприимчивая, умная, она была способна и не на такой подвиг...

И бедная старушка то радовалась, то, хватаясь рукою за трепетавшее сердце, готова была, от неожиданности и волнения, упасть в обморок.

На счастье их, вблизи проходил знакомый иеромонах. Старшая сестра тотчас остановила его и, указывая глазами на Досифея, попросила привести его к ним на гостиницу. Иеромонах утвердительно кивнул головой и, не расспрашивая о причине этого желания, пошел дальше.

Когда обедня окончилась, и люди стали выходить из церкви, иеромонах подошел к Досифею и, указывая перстом на шедших в толпе народа мать и сестру, ничего не подозревая, сказал:

— Брат Досифей!.. Эти господа весьма желают говорить с тобою. Исполни их просьбу, посети их на гостинице.

Зорким оком поглядела Дарья по направлению перста и мгновенно угадала, что это были за люди. Сердце ее вздрогнуло и затрепетало как

пойманная птичка, но Дарья удержалась от восклицания.

— Хорошо, батюшка... Передайте им, что я скоро приду... приду к ним... — глухим голосом отвечала Дарья иеромонаху и быстрыми шагами направилась в свою келию. Там, наскоро собрав свои вещи и накинув на плечи котомку, Дарья, не медля ни минуты, вышла за монастырские ворота и направилась в Киево-Печерскую Лавру...

Тяжел и долог был ее путь. Палило ее знойное солнце, мочил проливной дождь, пугали хищные звери, непривычные к ходьбе ноги болели и утомлялись, но Дарья решила терпеть до конца.

— Добрый человек, — думала она, — всегда найдет добрых людей, которые дадут ему кусок хлеба, а воду даст ему земля без платы. Большого человеку не нужно.

На пути своем тернистом
Не страшись — иди вперед...
Путь тернистый, путь тяжелый
К тихой пристани ведет.

Только узкою тропою
Прямо к правде ты придешь.
Там и радость неземную
И спокойствие найдешь...

Долго странствовала Дарья и, наконец, достигла Киева. Золотыми крестами заблистали на солнце величественные храмы древнего русского Иерусалима, но краше всех, и выше всех вздымаясь над крутыми берегами широкого Днепра, показалась чудотворная Лавра. С великою радостью вошла Дарья под кров обители священной и, поклонившись нетленным останкам святых угодников Божиих, направилась к настоятелю Лавры архимандриту Иллариону Негрембецкому. Там, представ перед ним, Дарья смело сказала:

— Отче святой... Я крестьянин некоего из великороссийских бояр... Зовут меня Досифей... С юных лет возымел я желание быть монахом и решил посвятить себя на служение распятому Христу... Не оставь моей скудости... Прими меня под кров Небесной Владычицы. Верь, что я буду трудиться здесь до последнего издыхания и ни единым жестом не посмею осквернить благодатной святыни.

Настоятель осмотрел Досифея с ног до головы и, не решаясь лично приютить беглеца, доложил об этом митрополиту Рафаилу Заборовскому*).

*) Нетленно почивает в усыпальнице Киево-Софийского Собора.

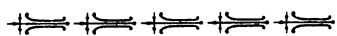
— Вероятно, — думал он, — этот беглец на-творил какого-либо зла и скрывается от глаз правосудия. Боюсь, чтобы не приобрести с ним великих хлопот... Уж очень лицо его не говорит за то, чтобы ему хотелось спастись в монастыре...

Благочестивый архипастырь тотчас призвал Досифея к себе и, видя пред собою благообразного юношу-крестьянина, удивился его начитанности и обширному уму. Долго беседовал он с удивительным беглецом и, хотя принял его благосклонно, однако тоже отказался исполнить его заветное желание.

— Друг мой, — сказал митрополит, — ты сам знаешь, что по указу Царского Величества, ни воинов, ни беглых крестьян без отпускного письма своего помещика принимать в монастырь не велено. Но мало этого. Даже и о тех лицах, кои уже освобождены, проведывать приказано для чего освобождены, и умеющих грамоте не весьма постригать, кроме собственного Императорского Величества указа и Синодального определения.*)

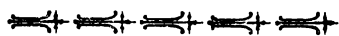
Поняла тогда Дарья, что не суждено ей Богом открыто проживать на монастырской свободе и что не для такой жизни призывает ее Господь.

*) «Регламент» Петра I.

«Всяк иже хочет по Мне идти, да отвержется себе и возьмет крест свой и по Мне грядет». Крест же сей: разного рода лишения, тягости и печали. А потому, раз она решилась идти за Господом-Крестоносцем, то не может шествовать без креста. Ибо желающий вырваться из плена врага спасения разве может сделать это без борьбы и ран? Или больной, которому необходимо сделать прижигания и отрезы, разве может избавиться от страданий и боли?

И рассудив обо всем, Дарья решилась на последнее средство. По примеру начальника русского иночества пр. Антония она избрала себе древний вид отшельничества — пещерное житие. И подобно тому, как некогда преподобный Антоний обходил монастыри, чтобы отыскать себе подходящее по духу место для начатия иноческих подвигов, так юная Дарья стала обходить Киевские обители, ища себе подходящего убежища. Но, не найдя ничего в самом граде Киеве, отправилась за город, в Китаевскую пустынь, и там, обходя окрестные горы и леса, обрела большую высокую гору, нарицаемую Китай. Гора эта, окруженная с юга и севера дремучими лесами, отстоит на две с половиною версты от Днепра, и с вершины ее видна окрестность на большое расстояние, даже до Триполя... Взойдя

на высоту ее, Дарья пришла в неописуемый восторг и в умилении сердца воскликнула: *«Это по-кой мой навеки: здесь вселяюсь»**)). И решила поселиться здесь навсегда.

Кроме того, осмотрев ее с разных сторон, Дарья обрела на Китай-горе множество ископанных пещер, по которым видно было, что Киевские подвижники издревле отходили сюда на строжайшее уединение. Но, не желая пользоваться плодами чужих трудов, Дарья собственноручно вырыла у вершины горы небольшую пещерку и тайно поселилась в ней.

Никто не обратил на нее внимания. Никто не преследовал ее здесь. Многие спасались так. Многие уходили в то время в дремучие леса. Строгие указы Великого Петра и его преемников о непринятии в монастыри людей беглых и несвободных могли только поддерживать именно этот вид иночества, который освобождал отшельника от уз общественного рабства и навсегда укрывал его от взоров мира и полицейских. И только десятки лет сурового пустынножительства привлекали к спасающемуся внимание мира, но уже не недоверчивое, а полное благоговейного уважения.

*) Пс. 131: 14.

Читатель! Оторвись на несколько минут от сокрушающей дух житейской суеты. Перенесись духом в тихие пустыни, в дремучие дебри и леса, туда — где витали св. подвижники, где протекало их равноангельное житие. Не забывай, что если и крепка наша Русь православная, если стоит она незыблемою скалою среди треволнений и бурь, то всему этому первее обязана она именно этим бежавшим от мира, великим во смирении носителям духа Христова. Как благодатные светильники всюду возжигали они по Руси тот благодатный огонь и своею молитвою и наглядным примером привлекали к Богу людские сердца. Не у них ли учился народ, как надобно жить по-божески и служить ему? Не у них ли поучался сохранению духа христианской совести и любви к ближнему? И вот ныне, читая житие их, удивляемся мы их дивным подвигам, а наше сердце чувствует тайное влечение подражать их спасительным правилам жизни и следовать тем путем, каким шествовали они. Да, поистине: *все те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущелиям земли...*

Несколько лет прожил Досифей (отныне так будем именовать Дарью) в пещере, проводя строгую, суровую жизнь, всю посвященную по-

двигам самоиспытания, очищения сердца и устремления ума к Господу Богу и вечному блаженству.*) Питался он только хлебом да водою, которую приносил ему некий старец Китаевской

*) Весною 1906 года я возымел желание посетить эти пещеры и в сопровождении посл. Григ. Любого отправился на Китаевскую гору. По внутреннему виду они ничем не отличаются от Лаврских пещер и имеют с западной стороны довольно удобный вход. В середине пещер находится большая, просторная комната, свыше 4 сажень длины и 2,5 сажени ширины, с полукруглым сводом в потолке. С западной, южной и северной стороны от нее устроены коридорные ходы, ведущие в глубину пещер. Стены, потолок и пол этой комнаты обложены кирпичом и прочно отштукатурены. Отштукатурены в некоторых местах и пещерные ходы. Еще при митрополите Киевском Филарете решено было устроить на Китай-горе небольшой скиток, на 12 схимников-старцев, обязанность которых должна была состоять в неусыпаемом чтении псалтыри, по 2 часа в сутки на каждого старца, но симпатичная идея эта не осуществилась. Тогда, с благословения покойного митрополита Арсения, в 70-х годах прошлого столетия поселился в пещерах схимонах Лавры Тит и начал там подвизаться. Усердием его Китаевские пещеры были очищены и расширены вглубь. Пользуясь

пустыни. Когда же наступал Великий пост, Досифей затворялся наглухо, и выходил только по ночам, чтобы насобирать мху и корней, которые служили для него тогда постоянной пищей. Ве-

покровительством наместника Лавры архим. Варлаама и сочувствием боголюбивых щедродателей, старец возымел мысль построить внутри пещер небольшую церковь. Разрешение было получено, и схимонах Тит совместно с келейником своим Иосифом «Железная шапка» (прозывался так за то, что носил на голове железную шапку, около пуда весом) и со многими из трудолюбивых братий Китаевской пустыни дружно принялись за работу. Вскоре пещера была выкопана и, при посредстве Лаврского эконома Мельхиседека, обложена кирпичом и отштукатурена. Один из доселе здравствующих старцев Китаевской пустыни, принимавший участие в ископании пещер, рассказывает, что во время работ к ним подошел одетый в мантию неизвестный монах и спросил: «Что это вы, братия, делаете?» — «Хотим построить церковь», — отвечали труженики. — «Затея хорошая, угодная Богу, и церковь действительно будет, но построят ее нескоро». После этих слов монах стал невидим... Слух об этом чуде распространился среди мирян, и на помощь схимонаху Титу явились благотворители. Некий купец из Рыбинска прислал ему денег и стал изготовлять, на

щественным огнем Досифей также не согревался в пещере. И подобно тому, как пр. Исаакий Печерский, стоя на молитве в церкви, не чувствовал, что босые ноги его примерзают к камен-

свой счет, для сей церкви металлический иконостас. Когда все было готово, Тит явился с докладом к митрополиту Арсению: «Благословите поставить иконостас, Ваше Высокопреосвященство». — «Какой иконостас?» — «На Китаевских пещерах». — «А начальник пустыни где?» — «Нет его, — он нездоров и не может явиться». — «В таком случае, надо это дело отложить». — «Не извольте беспокоиться, Владыко святой, мы сами без него это сделаем». — «Нельзя, нельзя... Без начальника не разрешу... Надо отложить...» — Предприятие не состоялось. Не теряя надежды, Тит остался жить при пещере и, выстроив при входе в нее уединенную келейку, стал проводить время в спасительном упражнении и молитве. Каждый любопытствующий осмотреть эти пещеры обязан был получить на то благословение Тита и через внутреннюю дверь его келии направлялся вглубь пещер. Долго прожил там Тит, претерпевая всякую нужду и невзгоды, часто был избиваем до крови разными злоумышленниками и ворами и, не получив осуществления своей идеи, вскоре скончался. Пещеры эти находятся в том же состоянии и по сие время.

ному полу, так и юный отшельник Досифей постоянно согревал себя трезвенною духовною теплотою от воспламенявшейся в сердце молитвы. Но, кроме этого, он во всю свою последующую жизнь, даже и не возгнещал в пещере огня. Когда его спрашивали об этом, Досифей со вздохом отвечал:

— Господи, Господи! Во свете лица Твоего узрим свет... Бедные мы грешники... Укрываясь от глаз человеческих темнотою ночи, мы все думаем, что нас не замечает никто. А Бог? *Не на всяком ли месте очи Господни смотрят злыя и благия?* Ибо даже *ад и пагуба* явны пред Господом: како не и сердца человеков?.. Итак, око Божие видит все. Ангел-хранитель, да человеческая совесть суть свидетели всякого рода мыслей и дел. Сознывая сие, для меня все равно, — горит ли огонь в моем жилище, или нет, я всегда могу лицезреть своим умом Вышнего, Который стоит близ меня и внимает моим словам.

Другим Досифей говорил:

— Не говори о пище, жилище и других мало-важных вещах, а со страхом и трепетом проходи житие свое. Как райскую птичку береги страх сей, чтобы не улетел. Улетит — не поймаешь. А для сего затвори двери своей келии, собери мысли и свяжи чувства вниманием. Утехы минутны, а

добродетель бессмертна. Коли ты обладаешь разумом — выбирай любое...

И дабы сохранить слезы умиления и любви ко Христу, он разными способами умерщвлял свою плоть, не давая ей ни отдыха, ни покою. И чем больше Досифей насиловал себя, тем скорее приобретал мир. Ничто не может разлучить подвижника от любви Христовой. А потому и Досифей, всем сердцем привязавшись к Нему и будучи мертвым на земле, был жив для Бога и, постоянно стремясь к небесному чертогу, как бы заранее предвкушал блаженную вечность находясь еще на земле. Кто станет сберегать свою душу, тот погубит ее, а кто погубит ее, тот оживит ее; т.е., иначе говоря, кто работает Господу в исполнении заповедей не жалея своих сил, тот спасется, а кто жалеет себя, тот погибнет. И вот, нисколько не жалея своих сил, Досифей удалился в уединение и ежедневными подвигами испытывая себя перед Богом, испрашивал у Него благодатную силу для побеждения греховных навыков.

Однако не долго скрывался юный любитель безмолвия от взоров человеческих. *Ничто же есть покровено, еже не открытается и тайно, еже не уведено будет...* А потому, как не избегал Досифей человеческой славы, как не затво-

рялся наглухо от любопытства людей, — не только стал прославляться среди окрестностей Киева, но даже сделался известен самому Царствующему Дому.

В 1744 году Киев посетила Императрица Елисавета Петровна, с наследником престола великим князем Петром Феодоровичем и обрученной его невестой великою княгиней Екатериной Алексеевной. Еще задолго перед сим начались приготовления к такому торжеству. В сентябре месяце этого года Киевский генерал-губернатор генерал-аншеф Леонтьев*) предписал всем подлежащим властям немедленно озаботиться устройством дорог и мостов по большому тракту до Киева. Особые офицеры, по назначению от правительства, должны были принуждать помещиков собирать на работы крестьян. В числе частных владельцев имений, расположенных по тракту, оказалась и Киево-Печерская Лавра, у которой были большие заселенные земли за Днепром. Вследствие предписания генерал-губернатора, Лавра, в продолжение нескольких месяцев ежедневно высылала на работу более 1000 душ из принадлежавших ей крестьян.

*) Погребен, вместе с супругою, в Великой Лаврской церкви.

Между тем, генерал-губернатор Леонтьев, озабоченный устройством квартиры для помещения державной гостии, предполагал вначале отвести в ее распоряжение губернаторский дом, но архимандрит Лавры Тимофей Щербацкий, считая губернаторский дом для помещения государыни неудобным, в апреле 1743 года написал в Петербург, к графу Алексею Григорьевичу Розумовскому, что для пребывания Императрицы местное начальство хоть и назначило дом, в котором прежде жили губернаторы, но поелику он стоит на скудном месте и даже не имеет при себе сада, то не благоугодно ли будет ее величеству остановиться в Лавре, в архимандритских кельях, имеющих для сего различные удобства, с садом, виноградником для прогулок и прекрасным видом на Днепр и заднепровье. Притом (прибавляет архимандрит), для Государыни будет приятнее это помещение и потому еще, что родитель ее, Император Петр I, во время посещения Киева всегда жил в сих кельях...*)

*) Петр Великий считается первым государем, посетившим Киев после включения его в состав Московского Государства.

Прибыл он в Киев 4 июля 1706 года, чтобы защитить столицу своих предков от возможного нападения шве-

Предложение архимандрита встретило согласие в Петербурге, и в июне месяце Тимофей Щербацкий получил от графа Розумовского пись-

дов на южную Россию. Сопровождаемый пушечными выстрелами, при многочисленном стечении народа, прямо с берега он направился в Софийский собор, где его ожидал митрополит Варлаам Ясинский с духовенством и Академия.

После благодарственного молебствия Государь отправился в Киево-Печерскую Лавру и посетил тамошнего архимандрита. Тот вздумал угостить посетителей вином, и один из монахов, с большим подносом, уставленным рюмками, подошел к Государю. Государь не заметил подошедшего и, махнув рукою, опрокинул на себя поднос. Присутствовавшие приняли это за дурное предзнаменование, но умный монах не смутился и, указывая на разбитое стекло, сказал:

— Так сокрушатся, великий Государь, силы супостатов твоих.

— Дай Бог, чтобы пророчество твое сбылось, — отвечал весело Петр.

Между тем был подан другой поднос, все выпили, и маленькое замешательство улеглось.

Весь день приезда был посвящен обзору достопримечательностей города и многих храмов. В Лавре Петр I посетил тогда Ближние и Дальние пещеры и, с благого-

мо с уведомлением, что Государыня изволила назначить свое пребывание в лаврских архимандрии-

ванием поклоняясь мощам пр. Угодников Божиих, обозревал там все достойное примечания.

На другой день Государь получил неожиданное известие, что Карл XII со своей армией двинулся к Киеву и находится в сорока милях от города. Весть эта настолько встревожила Государя, что он тотчас отдал приказ стянуть немедленно войска к Киеву, где, опираясь на крепость, воздвигнутую на Старом Киеве, надеялся по достоинству принять незваного гостя. Слух этот оказался вымышленным, ибо Карл со всеми войсками двинулся на Саксонию, поход же на южную Россию отложил до более удобного времени...

Полтора месяца пробыл Государь в Киеве, и все время занимался укреплением города. А 15 августа, в день Лаврского храмового праздника Успения Богородицы, состоялась, в присутствии Государя, торжественная закладка Печерской крепости и молебствие, совершенное митрополитом. 20 августа Петр I выехал из Киева...

24 декабря того же года Император был снова в Киеве, но, пробыв здесь одни сутки, поспешил выехать в Острог.

В 1709 году, после преславной виктории Полтавской, Государь Петр Великий опять посетил Киев. Кликами

чьих покаях и что для описания их и устройства иллюминаций назначен особый офицер.*)

восторженной радости встречали киевляне Царя, увенчанного лаврами только что одержанной победы. Шествие Царя было поистине триумфальным. Пушечные выстрелы гулко раздавались кругом. Государь, счастливый и довольный, окруженный многочисленной свитой, подъехал к Софийскому собору и усердно молился Богу за дарованную победу.

В следующие дни своего пребывания в Киеве торжествующий Царь-победитель обзревал святыни киевские и был в Киево-Печерской Лавре, где, выслушав обедню, снова посетил архимандрита. Во время обеда Государь вспомнил о том монахе, который три года тому назад нечаянно опрокинул на него поднос, и приказал позвать его.

— Пророчество твое сбылось, — сказал он ему. — Супостат сокрушен, как те рюмки, которые ты уронил...

И, похвалив монаха за находчивость, тогда же дал повеление посвятить его в архимандриты и отправил настоятелем в один из монастырей. 15 августа 1709 года Государь оставил Киев.

*) Тогда же над архимандритскими кельями (где ныне митрополитские покои) водружен двуглавый орел, существующий и поныне.

Затем, по указу сенатскому, было сделано распоряжение о заготовлении на станциях необходимого числа лошадей и съестных припасов.*)

Красавица государыня, переступившая в ту пору 30-летний возраст, более всего боялась обезобразить свое прекрасное лицо следами какой-либо сыпной болезни, особенно оспы, которая тогда свирепствовала во всей России, унося и калеча несчастные жертвы. В Киеве, куда для поклонения святым местам стекались тысячи недужных богомольцев, возможность заражения какою-либо прилипчивою болезнью увеличивалась, а потому окружавшие государыню лица приняли всевоз-

*) Для проезда Государыни и ее многочисленной свиты на каждой станции было приготовлено 1467 лошадей. Кроме того, по требованию генерал-губернатора, Лавра приготовила муки пеклеванной 343 пуда, капусты кислой белой 257 ведер, светло-серой 112 ведер, шинкованной 133 ведра, бураков 105 ведер, да для 100 конюшенных лошадей сена 400 пудов. Кроме того, Леонтьев потребовал, чтобы Лавра приготовила еще белых восковых свечей 438, желтых 765, ночных 87, да факелов ручных 107. Последнего требования Лавра исполнить не могла, по неимению достаточного количества воска, и свечи пришлось выписать из другого места (Лаврск. Арх. Дел. о Высоч. посещ.).

можные меры предосторожности, чтобы таким образом избавить венценосную путешественницу от заражения.

Когда все приготовления были окончены, то 26 июля 1744 года выехали из Петербурга наследник престола великий князь Петр Феодорович с обрученною невестою своею великою княгинею Екатериной Алексеевной и матерью ее принцессою Елисаветою Ангальт-Цербтской, а на следующий день отправилась в путь сама Императрица, с многочисленной свитой из 230 человек, в которой, кроме графа А.Г. Розумовскаго и новопожалованного вице-канцлера графа М. Воронцова, находились, в числе прочих, два епископа: Крутицкий — Платон Малиновский и Переяславский — Арсений Могилянский (впоследствии митрополит Киевский).

Императрица во время путешествия своего часто выходила из экипажа и, исполняя данный обет, шла иногда по несколько часов кряду пешком. Вследствие этого путь ее совершался довольно медленно, и только около половины августа она вступила в пределы Малороссии, в сел. Толстодубово. Здесь ей была приготовлена оригинальная и торжественная встреча, которая удивила и много позабавила Государыню: 10 реестровых полков, два компанейских и несколько команд

надворной гетманской хоругви под начальством обозного генерального Якова Лизогуба расположились у Глухова в одну линию, в две шеренги. Первый полк, отсалютовавши Государыне знаменами и саблями и пропустивши ее экипаж вперед, поворачивался рядами с правого фланга и проходил позади прочих полков в конец линии, где снова становился во фронт. Тоже делал второй полк и прочие. Таким образом получился непрерывный фронт и бесконечная линия войск с Толстодубова до места ночлега Императрицы.*)

За 60 верст до Киева Императрица была встречена несколькими избранными лицами от Киевского духовенства и граждан. А 25 августа состоялся торжественный въезд Государыни в Киев.**)

*) Так как Государыня ехала медленно и, кроме того, выходила из экипажа и шла некоторое время пешком, то войска маршировали без особого затруднения.

**) Любопытна встреча, приготовленная августейшей госте от Киевской духовной Академии. По описанию автора «Истории Руссов» (Георгия Конисского) и очевидца встречи от Академии, с «помощью выписанных машин и своего изобретения деланы Государыне разные удивительные явления к ее удовольствию. Между прочим выезжал за город (за Днепр) важный старик самого древнего виду, великолепно

При въезде в самый город были воздвигнуты великолепные триумфальные ворота, где, при многочисленном стечении народа, усыпавшего Киевские горы и улицы, Государыне была новая встреча. Два митрополита, Киевский — Рафаил Заборовский и Белгородский — Антоний, нарочно прибывши к этому дню, окруженные многочисленным духовенством всего города и его окрестности, приветствовали венценосную путешественницу с благополучным окончанием дальнего пути и прибытием к цели ее путешествия. Толпа народа шумно выражала свое радостное ликование, и звон колоколов киевских сливался с неумолкаемыми кликами восторженных киевлян. Государыня была от души тронута такою радост-

прибранный и украшенный короною и жезлом, но сделанный с молодого студента. Колесница у него была божеский фаэтон, а в него впряжены два пиитические крылатые кони, называемые пегасы, прибранные из крепких студентов. Старик сей значил древнего основателя и князя Киевского Кия. Он встретил государыню на берегу Днепра, у конца моста, приветствовал ее важною речью и, называя ее своей наследницей, просил в город, яко в свое достоинство, и поручал его и весь народ русский в милостивое ее покровительство».

ною и восторженною встречею и, прослезившись, сказала в присутствии всех:

— Возлюби меня, Боже, в Царствии Твоем небесном так, как я люблю народ сей благодарный и незлобивый...

От триумфальных ворот, воздвигнутых на площади (ныне Эспланадной) и расписанных трудами лаврской живописной школы, изготовившей здесь портреты Высочайших гостей, Императрица отправилась прямо в Лавру, где, после краткой литии в Великой церкви, проследовала в приготовленные для нее архимандричьи кельи.

В продолжение всего своего пребывания в Киеве державная поклонница неоднократно посещала Ближние и Дальние пещеры, бывала в Софийском соборе, Михайловском и Флоровском монастырях, а также и в других Киевских храмах и святых местах.

Плененная чудным местоположением Лавры, Государыня путешествовала также и по окрестностям ни с чем не сравнимого в сем отношении Киева. Наслышавшись из рассказов окружавших ее лиц о живописной местности Киево-Китаевской пустыни, она до крайности заинтересовалась ею и пожелала немедленно посетить ее.

Прибыв туда со многими духовными и светскими чиновными особами и поклонившись свя-

тому месту, где жил некогда предок ее, великий князь Андрей Боголюбский, Государыня услышала о богоугодно жившем на Китаевской горе пещернике Досифее и пожелала видеть его.

Для сей цели наскоро были сделаны деревянные колышки, которые прибиты были затем по всему подъему горы к земле и изобразили таким образом род ступенек. По ним-то Государыня Елисавета Петровна и поднималась пешком на гору Китай.

Подошедши к пещере Досифеевой, она приказала вызвать обитавшего там отшельника.

С нескрываемым изумлением отворил Досифей отверстие своего пещерного жилища и, вышедши на свет Божий, узрел пред собою державную посетительницу. Не ведая, кто она, но чутьем угадывая, что перед ним стоит сама Императрица, окруженная блестящею свитой, — Досифей поклонился ей до земли и низко потупил свой взор.

— Давно ли спастись стал, раб Божий? — ласково спросила его Елисавета Петровна.

— С тех пор, Государыня, как душа моя стала навекать вниманию... С тех пор началась моя духовная, внутренняя жизнь, которая не покидает меня даже доселе.

— Отчего же ты избрал такую печальную, суровую жизнь?

— Печальни будете, — сказал нам Господь, — но печаль ваша в радость будет... Ибо только узкие врата и тесный путь, Государыня, вводят человека в вечную жизнь... Земля, на которой мы живем, суть страна нашего изгнания, где мы должны обучаться скорбям, чтобы наследовать утраченное нами блаженство. И только претерпевый до конца, той спасен будет.

— Неужели же ты окреп в своем намерении? — сказала тогда благочестивая Императрица. — Неужели не раскаиваешься в том, что оставил утехи и сладости мира, и не поддаешься иногда влечению *сойти со креста*?

— Пускай крест мой тяжел, Государыня, пусть я в поту и крови падаю под ним, но я решил во что бы то ни стало донести его до конца. Я знаю, что поприще мое усеяно колючими терниями, но я буду ползти по нем до изнеможения и никогда не соглашусь на постыдное бегство, чтобы не погибнуть с распятым по левую сторону креста Христова, т.е. с разбойником... Раненые до потери сил или павшие в бою воины ведь не лишаются своей доли чести между торжествующими, уцелевшими от ран победителями? Но без кровопролития нельзя праздновать и победы. Ибо всякий знает, что наше торжество не здесь, а за пределом нашей жизни, где и ожидает нас венец или осуждение...

— Слова твои, раб Божий, пришлились мне по сердцу. Вижу, что, несмотря на твою молодость, Господь оделил тебя мудростью и житейским опытом. Если ты согласишься оставить свой затвор, чтобы послужить в тех делах, кои угодно будет мне для тебя предназначить, то я в будущем отличу тебя.

— Всемиловитейшая Царица! Ни золото, ни серебро обогащает душу, но добродетель. Когда Господь позвал Петра, Иакова и Иоанна, они тотчас оставили все и пошли за Господом. Отчего же они так скоро и охотно пошли? А оттого, Государыня, что увидели более светлое, лучшее, большее. Таков и у нас закон в душе, что, вкусив лучшее, она отвращается и бросает худшее. Но утехи всех сортов удаляют человека от Царствия. Ибо душа, порабощенная земными благами, не будет причастницею вечных благ. Кто же стяжал на земле Единого Бога, только тот и бывает неслезанно богат, хотя бы земных благ и не имел совсем...

О многом после этого расспрашивала Императрица Досифея и, после долгих разговоров узнав, наконец, что Досифей, за рабство, до сего времени не пострижен, повелела немедленно постричь его в рясофор, и даже сама, на другой день, изволила присутствовать при обряде пост-

рижения. Имя Досифей пожелал оставить преж-
нее, без изменения.

Такими неисповедимыми путями Промысла
Божия исполнилось, наконец, пламенное жела-
ние инока Досифея, и, потерявши всякую на-
дежду на получение иноческого чина, он, к вели-
кому изумлению своему, получил его, вдруг, не-
ожиданно... Велик же Бог земли Русской,
Который сказал: *Просите, и дастся вам, толцы-
те, и отверзется...*

Расставаясь с Досифеем, Государыня вручила
ему кошелек, наполненный золотом. Но молодой
затворник, проводя Императрицу, золота в пеще-
ру не внес, а положил его в глиняном черепке у
дверей и, — подражая этим преподобному Ага-
питу безмездному врачу, который поступил так
же с золотом великого князя Владимира Монома-
ха, полученным от него за исцеление князя от
опасной болезни, — совсем перестал заботиться о
покинутом кошельке.

Между тем, через некоторое время пришел к
Досифею из селения Пирогово один благочести-
вый крестьянин и, постучав в крошечное оконце,
передал ему принесенную в подаяние пищу.

— А у мене була Самодержавна, — сказал
ему малороссийским акцентом Досифей, — и
щось мыни дала...

— А що ж таке вона дала вам, батюшка?

— Не бачив... Подивысь сам... Он воно, у черепку лежить...

Крестьянин поднял кошелек и, увидев золото, чрезвычайно удивился.

— Батюшка! — воскликнул он. — Да тут червонци!.. Побачьте, як багацько наложено!.. Возьмить же их...

Но Досифей, с улыбкою отвергнув его предложение, наотрез отказался принять принадлежащие ему деньги.

— Робы з ными, що Бог тоби на душу положить... А воны мыни не потрібни.

Тогда удивленный крестьянин немедленно отнес кошелек в Киево-Печерскую Лавру и представил Духовному Собору.

И вот, с общего совета Соборных старцев и с согласия монаха Досифея, решено было на эти деньги выстроить в селении Пирогове церковь. И приступив к работам, в скором времени была возведена там, вместо малой, обветшалой, деревянной церкви, новая, большая, также деревянная церковь с приличным иконостасом, и приобретен для оной серебряный потир.*)

*) Церковь эта недавно сгорела. На место ее возведена новая, каменная, находящаяся там ныне.

В то же самое посещение Китаевской пустыни Государыня Императрица изволила пожаловать братии сей пустыни 1000 рублей...

5 сентября было тезоименитство Императрицы. В этот день в Лавре, в присутствии державной именинницы, была торжественно отслужена митрополитом Рафаилом литургия, после которой было совершено молебствие о здравии и долголетии Государыни, с обычным коленопреклонением, колокольным звоном и пушечными выстрелами с крепостных бастионов. В тот же день Императрица посетила Академию, и побывала в ней вторично еще 8 сентября, в день праздника Рождества Богородицы, на торжественном диспуте, нарочно устроенном для нее. Кроме этого, во время своего пребывания в Киеве, Императрица лично присутствовала при закладке живописной Андреевской церкви, воздвигнутой по ее повелению, по чертежам знаменитого архитектора графа Растрелли. А на возведение ее, в 1749 году, всемилостивейше было ею пожаловано 20000 рублей.

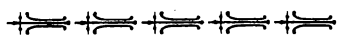
12 сентября Государыня Императрица Елисавета Петровна, напутствуемая благословениями духовенства и пожеланиями народа, отбыла из Киева.

II

Усугубление подвигов старцем Досифеем. Слава. Дар прозорливости. Наставления. Будущий подвижник Саровский юноша Прохор Мошнин. Пребывание его в Киево-Печерской Лавре. Предречение и благословение его старцем Досифеем. Переселение Досифея в Лавру, на Дальние пещеры. Келейник его инок Феофан. Происхождение Феофана и его последующая жизнь. Феофан в Молдавии. Возвращение его в Киев. Опять у старца Досифея. Чума в Киеве. Переселение Досифея в Китаевскую пустынь. Предуздание времени смерти. Предсмертные наставления Досифея своему ученику. Прощание с братиею. Блаженная кончина. Завещание. Открытая тайна. Место упокоения Досифея.

Долгое время после пострижения в рясофор прожил Досифей в пещере, проводя время в алчбе и жажде, терпеливо перенося тесноту, холод и различные страхования от бесов. О, если бы раскрылись уста сего великого подвижника, чтобы

оповестить людям все ужасы духовного мира, всю борьбу с невидимою бранью и различные искушения от бесов, которые он претерпевал, то в ужас пришел бы смертный человек и горько бы заплакал, сознавая свое бессилие и духовную нищету. И вот слава о Досифее, как о великом подвижнике — прозорливце, удостоившемся даже Высочайшего посещения, стала разноситься по разным углам обширной матушки Руси.

Одаренный от природы светлым и обширным умом и имея в себе великую духовную опытность, Досифей привлекал к себе многие сердца православных христиан, а потому всякого рода нищие духом и больные сердцем являлись к нему целыми толпами за советом и утешением. Но Досифей никуда не выходил из своего убежища и никого не принимал к себе. Желавшие получить от него благословение и наставление могли беседовать с ним через маленькое окошечко.

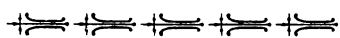
А наставлять людей действительно было в чем. В то время на Руси водилось множество еретиков, лукавых лицемеров и пустосвятов, носящих овчьи шкуры, и рассеивающих по лицу Русской земли различные ереси, расколы и суеверия, и тем самым прельщавших простой народ. Правда, Киев и Малороссия были отчасти вне опасно-

сти, но и у них была своя борьба. Борьба эта была благородная, разумно-христианская, и не с грубыми невеждами, вроде протопопа Аввакума или Романа и Павла, своими бестолковыми выдумками возмущавшими на севере спокойствие Церкви, а с хитрыми, образованными и ненавидимыми иезуитами, наводнявшими Киев и окрестности своими грубыми и нелепыми толкованиями св. отцов.

Вот от этих-то лжеучителей и лжепророков и приходилось, зачастую, Досифею ограждать и оберегать суеверный, простой народ. Но не одни только простые люди пользовались его наставлением, — приходили к нему за советом и лица знатного происхождения. Ибо нужда да людское горе куда только не прокрадываются? Доступна им и хижина бедного поселанина, пролезают они и в полные великолепия Царские палаты!..

— Батюшка, — сказал Досифею один знатный Киевский вельможа, — помогите!.. У меня случилось большое несчастье... Видно Бог оставил и не слушает меня.

— А ты зачем затыкаешь уши свои от речей, коими умоляют тебя нуждающиеся? Вот потому не слушает и тебя Господь. «Иже затыкает ушеса своя еже не послушати немощнаго: и той призовет и не будет услышан»... Но ты не скорби... Это

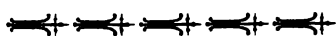

не беда еще... А будет горе, если Господь не послушает тебя, когда станешь молиться ему об отпущении грехов.

— Батюшка, но ведь я молюсь... Молюсь ежедневно и, полагая утром и вечером множество поклонов, призываю имя Господне...

— Всеу трудишься, друг мой. Ибо зовешь Его одним только языком, но не сердцем. Если бы и сердце твое произносило молитвенные слова, то оно готово было бы повиноваться Тому, Кого исповедует своим Господом. Ступай же домой и размысли — что такое Господь и что ты перед Ним; сколько благ соделал Он для тебя и сколько делает; для чего живешь на земле и до чего доживешь в будущем. И вот, когда углубишься, то у тебя родится готовность исполнять волю Его неуклонно, и не скажешь ты только языком: «Господи, Господи!..», — а от всей души воззовешь: «Господи, помоги мне и даруй силы ходить в воле Твоей...» И тогда зывание твое будет приятным для Господа.

Вот так-то утверждал всех Досифей в христианских добродетелях и умел применять свою речь к положению, званию и состоянию каждого человека. Со старцами говорил о молитвенном упражнении и постоянном богомыслии, с молодыми — об опасности страстей и прихотей, с отца-

ми — о воспитании детей, с детьми — о страхе Божиим и пр. Но удивительнее всего было то, что особый дар слова соединялся в нем с прозорливостью. Он обличал тайные прегрешения, возбуждал к покаянию и предостерегал от будущих бед и искушений. Замечали, что когда Досифей давал просфору или жезл, то этим означалось выздоровление и благоденствие, а когда ладан, то этим предвещалась смерть...

Вот в это-то самое время, т.е. как раз в полный расцвет Досифеевой славы, стал приуготовляться Богом к возжжению новый светильник земли Русской пр. Серафим Саровский.

Родившись в 1759 году, в г. Курске, от благочестивых родителей Исидора и Агафии Мошнинных, младенец был крещен и наречено было имя ему Прохор. Божественное промысление о нем выразилось еще в юности, когда Прохор упал с колокольни и остался цел и невредим; а в другой раз было видно тогда, когда мальчик опасно заболел и внезапно выздоровел от тяжелой болезни. Юноша рос, научился грамоте, и стал изучать Священное Писание. Родные начали приучать его к торговле, но сердце Прохора не лежало к наживе. Его привлекал иной образ жизни, который, в удалении от мирской суеты, облегчает возможность приобрести нетленное сокровище. Когда

ему исполнилось 16 лет, стремление покинуть мир, чтобы вступить на крестный путь иноческих подвигов, окончательно созрело в душе Прохора. Более всего его привлекала к себе общая молва о подвижнической жизни иноків Саровской пустыни, в числе которых было немало Курских мещан, но Прохору предварительно хотелось побывать в Киево-Печерской Лавре, чтобы в этом древнем рассаднике русского иночества получить утверждение в своих мыслях и принять добрый совет и благословение от опытных в духовной жизни монастырских старцев. И вот, получив на дорогу материнское благословение, юный Прохор отправился пешком в Киев.

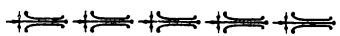
Как живая предстала пред мысленным взором его священная летопись Киево-Печерского монастыря, о которой он так много слышал и часто читал. Разнородные сказания о непрерывных чудесах, из которых сплетено было основание Лавры, как живые воскресли в его твердой памяти. Вот «Великая церковь», построенная греческими зодчими и расписанная иконописцами, присланными из Влахерны, дивным явлением Богоматери... А вот и чудотворная икона Успения, врученная тем же иконописцам рукою Самой Владычицы мира... А там, в пещере, целебноносные мощи чудотворцев Печерских, нетлен-

но почивающие в скромных раках. Какой удивительный памятник благочестия христианского представляют собранные черты жизни их!.. Но вот и рака пр. Феодосия, земляка поклоняющегося ему юноши Прохора. С ранней юности вынес он тяжкую борьбу за право служить Единому Богу, и для Бога забыв мир и мирское счастье... А вот и место погребения созерцателя и тайновидца — пр. Антония. Будучи основателем Лавры и отцом русских иноков, он по смирению своему не пожелал того, чтобы были явлены миру честные мощи его, пребывающие доселе в земле, ибо и сам он, находясь еще при жизни, укрылся в пещерную тьму...

О, какие же великие чувства глубокой веры и назидания воспринимала здесь душа юного Прохора! Рано возгорелось в нем стремление к небесному. Но здесь оно окончательно распалось и закрепило. И вместе с тем, словно в неудержимом, все охватывающем пожаре, сторела последняя связь с миром, а в душе его создалось новое место для духовно зачинавшегося в нем благодатного человека.

Долго молился Прохор в Киеве. Но не тою молитвою молился он, с какою притекает к Богу большинство верующих. Он молился о ниспослании ему сил к совершению великого жизненного

подвига и о том, чтобы Господь указал ему место для начатия иноческих подвигов.

И вот, поисповедавшись и приобщившись святых Таин, узнает, наконец, Прохор и о замечательном подвижнике старце Досифее.

— В Китаевской пустыни, неподалеку от града Киева, живет и спасается в пещере прозорливый старец Досифей, — сказал исповедавший его иеромонах. — 26 лет проживает он в затворе, подражая подвигам жизни древних Печерских отцов... Иди к нему... Открой ему свое сердце и проси наставления... Старец не оставит тебя и подаст благой совет.

С великою радостью направился к Досифею Прохор.

— Что бы ни сказал мне сей старец на пользу души, — я непременно поступаю по его мудрым словам, — мысленно рассудил Прохор. И, придя к Досифею, упал перед ним на колени, открыл ему глубину своей души и всю духовную жажду и со слезами на очах просил указать ему место для начатия подвигов спасения...

О, какие светлые горизонты открылись пред прозорливым взором подвижника Досифея, когда в глубоком волнении предстал пред ним юный избранник Божий. Предстал так, как некогда стоял Феодосий пред пр. Антонием.

И что же сказал ему старец Досифей? Видя пред собою юношу, с вполне определившимся духовным складом и с распаляемою божественным желанием, чистою, равншеюся к Богу душою, он одобрил намерение Прохора и указал ему на Саров.

— Гряди, чадо Божие, в Саровскую обитель и пребудь там. Место сие будет тебе во спасение. С помощью Божиею скончаешь там свое земное странствование. Только старайся стяжать о Боге непрестанную память и постоянно призывай имя Его тако: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешнаго...»*) В том да будет все твое внимание и обучение. Ходя, и сидя, и стоя в церкви, да будет сие непрестанное твое во устах и в сердце. С ним найдешь покой и приобретешь душевную и телесную чистоту. И тогда вселится в тебя Дух Святый и управишь жизнь свою во всяком благочестии и чистоте...

Отпуская его, старец прибавил:

— Там, в Сарове, настоятелем о. Пахомий. Он богоугодной жизни и последователь пр. отцов наших Антония и Феодосия...

*) Эти 8 слов составляют известную, так называемую Иисусову, молитву. Все подвижники придавали ей великое значение в борьбе со злыми духами и имели ее постоянно в уме на устах.

Этими словами была решена судьба молодого Прохора Мошнина. Выбрав себе обитель не по собственному произволению, а по указанно и благословению старца Досифея, он как бы выполнил этим на деле первое и главное правило иноческой жизни — послушание. И сколько бы потом перед ним, уже великим и прославленным старцем, ни стояло людей с вопросом о пути жизни, — каждый из них, доверившись его словам, как никогда доверился он сам затворнику Досифею, возмogli достигнуть желаемого успеха.

«Имея тщание о подвиге иноческаго равноангельнаго жития, во град святыи Киев поклоне-ния ради преподобным Печерским притекл еси и от уст преподобнаго Досифея повеление приим в пустыню Саровскую путь свой управити, верою издавеча облобызал еси место святое сие и тамо вселився житие твое богоугодно скончал еси... Радуйся, пр. Серафиме, Саровский чудотворце») (Икос 3).*

Но не один только пр. Серафим Саровский, а много и других людей достигли великих духовных даров, следуя совету и указаниям старца Досифея. Имена их, написанные на скрижалях книги живота вечного, к сожалению, не дошли до нас...

*) См. акафист пр. Серафиму Саровскому.

Спустя двадцать лет со дня удаления Досифея в затвор, он вторично увидел пред собою родную сестру. Родители Досифея давно уже скончались, и удрученная тоскливым одиночеством сестра его решила посетить Киев. Помолившись здесь Богу, она пришла к затворнику Досифею и стала рассказывать ему о семейных несчастьях и о неизвестно пропавшей сестре, которая не разыскана до сего дня. Она не узнала его, ибо, беседуя с родною сестрою, старец Досифей не показал своего лица. Прощаясь с нею, он дал совет не допытываться, если кто-либо из родных скрылся из дому ради Господа.

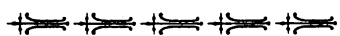
— Не препятствуй сестре жить, раз пошла она ради Господа. Лучше радуйся, что не пресмыкается, подобно тебе, греховными помыслами и не помышляет о земном, а, возрожденная Духом свыше, торжествует и спасается о Боге. Ибо *не имамы zde пребывающаго града, но грядущаго взыскуем...*

Вскоре после означенных событий последовал в России указ, чтобы «отшельникам не быть нигде», по причине последовавших на Руси некоторых злоупотреблений. Не желая быть нарушителями Царского указа, лаврские старцы предложили Досифею переселиться в Лавру. По прибытии сюда, старец избрал себе место на Дальних пеще-

рах и, не изменяя своих обычаев и жизненных правил, продолжал невозбранно жить там уединенно, затворником. Пищу он получал по желанно от Лавры, которую ему послушник определенный приносил тогда, когда подвижник сей считал нужною к употреблению.

Имя келейнику старца Досифея было Феофан. Родом из малороссийских земледельцев, он двенадцати лет лишился своих родителей и остался сиротою, вместе с малолетним братом и сестрою. Шестнадцати лет Феофан принялся за земледелие. Однажды, когда он трудился в поле, божественный свет озарил его душу и особенное умиление наполнило его сердце, — в тот же час распряг Феофан волов своих, оставил землю, плуг и, даже не простясь с братом и сестрою, увлекаемый любовью ко Христу, пошел из родной стороны. По прибытии в Киево-Печерскую Лавру он был принят в число послушников и проведши в разных трудах 17 лет был определен на служение подвижнику Досифею.

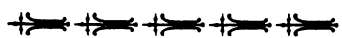
Много душевной пользы принесло Феофану сближение со старцем Досифеем. Будучи сердцем кроток и нравом послушлив, с детскою верою внимал он мудрым изречениям старца Досифея и, видя в них неиссякаемый источник благодати и глубину мудрости, всячески старался подражать своему учителю в житии. И что же? Слушающий

слова Господни и исполняющий их подобен строящему дом на камне, а слушающий, но не исполняющий, подобен строящему дом на песке. Так и Феофан, слушая и исполняя благие советы своего старца, приобрел силу побеждать страсти и помышления лукавого... Когда же Феофан был не в духе и его смущали нечистые помыслы, прозорливый старец немедленно призывал его к себе и, утешая, говорил:

— Терпи брат, терпи до конца и спасешься. Полюби скорбную жизнь, ради спасительности великой, и возбуди жаждания ее, как пития. Оно горько — но целительно. А пришла беда — надо перенести, ибо ее как тесную одежду не сбросишь. Не думай, что ропот избавит от бед. О, нет! Он только отягчит ее, а смиренная покорность и благодушие отнимут всякую тяготу от бед. Прими в рассуждение то, что если бы Господь захотел поступить с тобою по правде, то не такую беду послал бы тебе. А будешь терпеть да крепиться, Господь подаст тебе такую крепость духа, что другие будут только дивиться твоему горю да беде, а ты будешь скакать да приговаривать: «Милые мои... да мне и терпеть-то нечего».

— Отче! — отвечивал ему на это Феофан, — сердце не слушает меня... Оно молодо... От него исходят помышления злые...

— А в сердце как попали? Откуда? Где корень их был?

— В грехе...

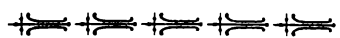
— А отчего грех разрастаться стал?

— От моего собственного произволения.

— Ну так иди и отсеки его от своего произвола. Как в деревья сначала обрывают листья, отсекают ветви и сучья и отрубают ствол до корня, так и ты отсеки от себя всякие похоти и не позволяй исходить из сердца злым помыслам. А как это лучше сделать, укажет тебе твой разум и рассуждение. Ибо рассуждение для человека — это садовнический нож, который одни ветви отсекает, другие прививает.

— Отче! Трудно мне исполнять сие. Нemoшь берет свое и колеблет дух мой.

— Не поддавайся... Не поbлажай себе. Знай, что это «саможаление» и есть самый льстивый и опасный враг наш. «Отдохни немножко, — говорит враг, — ты утомился». Видишь, какой добряк нашелся! А попробуй, послушай его. Одно послабление поведет к другому, дело спасения расслабнет, порядок благочестивой жизни забудется, и ревность о Боге охладет. А там что? — Омрачение разума, грех и падение. Ох, нет! Коли помог Господь начать дело спасения, — не оставляй его.

— Но что же мне делать против этого? Как поступить с собою?

— Не жалея себя самого, а прилежно наказывай. Держи плоть свою в строгой дисциплине, ибо она раба бессмысленная: когда утомляют ее — смиряется, а чуть дашь ей хотя малую льготу — начнет показывать когти и свирепеть очами любострастия... Горе нам! Никто не стремится укрощать, а все утешают и стоят за нее. Но помни: *плоть и кровь Царствия Божия наследити не могут**).

Вскоре у Феофана возгорелось желание посетить святые места, ознаменованные событиями земной жизни Господа Иисуса Христа. Пришедши к Досифею, он стал просить у него благословения на дальний путь. Но прозорливый старец отвечал:

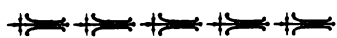
— Нет тебе пути ни в Иерусалим, ни в Святую Гору. Тебе предстоит в свое время другой путь... А теперь, если желаешь, отправляйся в Молдавию... Это путешествие тебе будет на пользу.

— Но с кем же я пойду туда? К кому? Я ведь никого там не знаю.

— Ну, это не беда... Ступай сейчас на Подол**), там найдешь двух молдавских иноков, которых и приведи сюда.

*) 1 Кор. 15: 30.

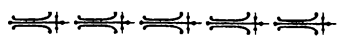
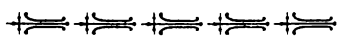
**) Нижняя, торговая часть Киева.

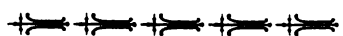
Феофан беспрекословно повиновался. Пришедши на Подол, он действительно нашел там двух иноков, которые пришли в Киев из Молдавии. Один из них, по имени Софроний, оказался никто иной, как друг и спостник великого Паисия, и был впоследствии архимандритом. Исполнив все поручения, данные ему Паисием, Софроний собирался с другом в обратный путь, как вдруг перед ними предстал инок Феофан и стал усиленно звать к старцу Досифею. Пришедши к Досифею и услышав от него просьбу взять с собою Феофана, иноки охотно согласились на это, и все трое немедленно отправились в путь. Во все время длинного путешествия Феофан прислуживал им. Однако нелегко показался ему путь в Молдавию. Всевозможные притеснения со стороны турок и разные лишения ослабляли его энергию, так что Феофан раскаивался в том, что покинул Киев. Близ Нямецкой обители путников встретил сам Паисий и, приветствуя всех, сказал:

— Чадо Феофане! Не вотще бысть к нам путь твой. Он уготовит тебе мзду свою.

Любезно принятый всеми, Феофан жил сначала в Нямецком монастыре, потом ходил и в другие обители, осматривая их местоположение, изучая чиноположение и уставы монашеские, а также нравы и обычаи иноческого жития. Весь-

ма трогательным показался ему пример жизни этих иноков. Нестяжание их было полное: в келиях, кроме иконы, книг и орудий для рукоде-
лья, не держали ничего. Отличаясь смирением, они устрашались гордости, тщеславия, ненависти и не знали взаимных обид. Если случалось кому, по неосторожности или горячности, оскорбить другого, то такой сейчас спешил примириться с оскорбленным. Кто же не хотел простить согрешившего, тот был изгоняем из монастыря. Походка у иноков была скромная и благочинная, а глаза были опущены долу. При встрече они друг друга предупреждали поклоном. В церкви всегда стояли на назначенном для каждого месте. Празднословия не допускали не только в церкви, но ни в монастыре, ни вне его. С аввою Паисием жило тогда до 700 братьев, и когда они собирались на послушание по 100 и более человек, то один из них непременно читал вслух книгу или рассказывал какую-либо душе-
полезную повесть. Если же кто начинал праздный разговор, — его немедленно останавливали. В келиях одни писали книги, другие пряли волну, третьи шили клобуки и камилавки, выделывали ложки, кресты и занимались разными рукоделиями. Все были под надзором наставников и духовников. Никто самовольно не дерзал даже

съесть какой-либо плод, которых так много в той стране. Только с благословением, и все вместе, вкушали они произведения земли во славу Божию.

По сердцу пришлась Феофану эта жизнь, и он стал упрашивать Паисия оставить его в Молдавии. Но старец ему сказал:

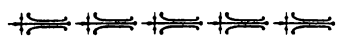
— Иди теперь в Россию и еще немного послужи своему старцу, имеющему скоро скончаться. А потом, по благословию его, иди спасаться куда он тебе укажет.

И, напутствуя Феофана своим благословением, прибавил:

— Чадо! Господь наш Иисус Христос и Его Пречистая Матерь, да соблюдут тебя на всяком пути. Верую, что Бог не даст тебе искутиться более меры и сподобит части избранных Своих, ради преподобных отцов Антония и Феодосия Печерских и старца твоего Досифея. Да будет же на тебе, от нашего смирения, благословение Божие. Передай своему благочестивому старцу мою благодарность и не забывай наше убожество...

Снабженный на дорогу всем потребным, Феофан возвратился в Киев и снова стал там прислуживать своему старцу Досифею.

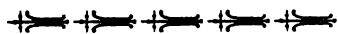
Однажды Досифей послал Феофана к пономарю Великой церкви и велел принести ему херу-

вимского ладану. Ученик исполнил приказание. Тогда Досифей положил ладан у себя на окне и стал раздавать его по кусочку каждому из приходящих к нему за благословением киевлян.

— На, возьми, — говорил он, — да покури хорошенько у себя на дворе... Скоро будет страшное несчастье... Люди станут падать на дороге и умирать как мухи... Но вы не унывайте... Не падайте духом, дети... А молитесь, молитесь...

И что же вышло? В конце 1770 года действительно появилась в Малороссии моровая язва, которая, быстро приближаясь к Киеву, окончательно появилась в нем 3 сентября. Бывший тогда генерал-губернатор генерал-аншеф Феодор Матвеевич Воейков немедленно принял меры к устранению и уменьшению бедствия. Заставы и рогатки все были закрыты, и привоз хлеба из окрестных селений был настрого воспрещен. Разрешалось провозить только те продукты, которые, по освидетельствовании, оказывались привозимыми из благополучных мест. Запрещен был также прием в дома и монастыри пришлых людей без надлежащих свидетельств и велено было избегать стеснительности в жилье... Однако, несмотря на такие меры, язва свирепствовала день ото дня все с большею силою. Особенно страдали дома, где было много жильцов. Пострадала от

нее и Киево-Печерская Лавра, ибо немало вымерло в ней тогда иноков и пришлых людей. Что же творилось с теми людьми, которые получали накануне от Досифея ладан? Говорят, они остались невредимыми, и страшная болезнь миновала их дома...

Прошло с тех пор 4 года. Скучно и неудобно стало жить Досифею на Дальних пещерах. Уж слишком досаждал ему простой народ, громадными толпами окружавший его келию и постоянно теснившийся у окна. Желая остаток дней своих посвятить исключительно молитве и воздержанию, Досифей, в 1775 году, стал просить настоятеля Лавры архимандрита Зосиму Валкевича о перемещении его снова в Китаевскую пустынь.*) А потому, вскоре, с благословения митрополита Киевского Гавриила Кременецкого поселился там в уединенной келейке,

*) Существует предание, что Досифей, в последнее время своего пребывания в Лавре, состоял лекарем, и когда ему стали предлагать сан иеродиакона, отказался. После чего, восприняв на себя высший подвиг Христа ради юродство, начал бегать по городским улицам и обличать народ, почему Лаврское начальство и предложило ему переселиться снова в Китаевскую пустынь.

при прудке. Целый год провел там старец Досифей в великом воздержании, молитве и посте. Получив откровение свыше о времени и дне своей кончины, пустынный призвал к себе своего ученика и сказал:

— Возлюбленное чадо мое! Много ты послужил мне. Теперь я отхожу в путь отцев моих. Когда погребешь меня, не оставайся здесь, а иди на север. Там, в обители Соловецкой, ты найдешь спасение.

— Отче! — отвечал со слезами Феофан. Я обещался проводить жизнь свою при пещерах преподобных Антония и Феодосия. А ты велишь идти мне в Соловецкую обитель.

— Перед Богом все равны, чадо. Здесь — Антоний и Феодосий. Там — Зосима и Савватий. Все они имеют одинаковую благодать ходатайствовать о духовных чадах своих. Вижу, что Божественный промысл указывает тебе место на севере, и верую, что строит все по желанию твоему, на пользу и спасение души твоей и поможет тебе понести скорби пустынного жития. Не противься определению Вышнего, но, пребывая там, внимай себе и блюдись от лютого зверя, ищущего поглотить тебя. Если же и найдет искушение — не унывай, а мужественно старайся исправить себя...

Таково было предсмертное наставление Досифея своему ученику.*)

Чувствуя затем ослабление сил и приближение смертного часа, Досифей вышел из затвора и, опираясь на палку, пошел по всем келиям прощаться с братиею. Немало удивились иноки Китаевской пустыни, видя, что их любимый старец появлялся у каждого из них внутри келии и, отворив дверь, со смирением падал на колени.

— Простите меня, ради Бога... Простите меня... Немало оскорбил я всех словом, делом, помышлением... — говорил со слезами Досифей.

Затем возвратился в свою келейку и снова затворился. До самого утра пел Досифей псалмы и,

*) Инок Феофан сначала не исполнил завета своего старца и остался жить в Киеве. Ископав себе пещеру, он думал поселиться в ней, но ему не дозволили. Тогда он удалился в Китаевскую пустынь, но и здесь запретили ему жить. Видя неблаговоление Божие за послушание старцу, Феофан оставил Киев и направил путь в отдаленную обитель Соловецкую. Прибыв туда, при архимандрите Иерониме, он проходил разные послушания, начав с просфорни. Затем был пещерником и подвижался в пустыне в безмолвии и тишине. Скончался великим, знаменитым подвижником 26 июля 1819 года (см. Соловецкий патерик, л. 154—157).

в ожидании предсмертного исхода, читал каноны и так, с молитвою на устах, предал на рассвете свой дух в руке Божии.

Наутро Феофан явился к нему, чтобы спросить о чем-то, но старец не откликался. Предугадывая что-то недоброе, Феофан поспешил собрать Китаевскую братию. И когда отворили дверь, то глазам всех представилась умилительная картина: перед образом, пред которым теплилась лампада, стоял на коленях Досифей и, казалось, будто весь застыл на молитве. В левой руке своей он держал длинную хартию, на которой были начертаны слова: «Тело мое приготовлено к напутствованию вечной жизни; молю вас, братия, *не касаясь* предать его обычному погребению». Феофан подошел к Досифею поближе и дотронулся до руки, но рука старца... похолодела. Все поняли тогда, что душа любимого подвижника воспарила к Богу.

Завещание Досифея было исполнено в точности: никто не стал обмывать его многотрудное тело, никто не посмел прикоснуться к нему, чтобы обнажить наготу, но все с великим благоговением и славою предали останки его погребению.

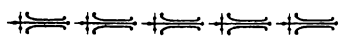
Многое множество собравшегося народа со слезами на глазах проводило старца в могилу. Всем было жаль любимого и мудрого наставника

и руководителя, вся блаженная жизнь которого служила для людей неразрешимой загадкой.

И только по смерти Досифея, когда сестра его во второй раз приехала в Киев и, не застав старца в живых, стала осведомляться о его жизни и взглянула на его портрет, — всем стало известно, что затворник Киево-Печерской Лавры Досифей был не мужчина-монах, а *девица* Дарья из рода Рязанских дворян Тяпкиных...

Скончался Досифей 25 сентября 1776 года, на 56 году своей жизни, и погребен в ограде Киево-Китаевской пустыни, близ Свято-Троицкой церкви, на северной стороне. На гипсовом монументе его, имеющем форму гроба, написано: «1776 года, сентября 25, умре Досифей».

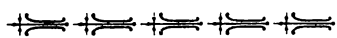
ПОСЛЕСЛОВИЕ

Китаево... Эту православную киевскую святыню знают по всей Руси. Тем не менее, даже из уст киевлянина сегодня иной раз услышишь: «Как часто ездил мимо — и не знал. А тут — такое благодатное место и такая богатая история!» Действительно, про Китаево нельзя сказать, будто оно «от большого пути в стороне»: рядом проходит железная дорога, пересекаются автомагистрали государственного значения. Но право на «припоминание» нашей православной истории во всей ее полноте мы получили не так уж давно. Потому и начинаем знакомство со многими из отечественных церковных святынь просто с нуля.

Итак, что же это за уголок такой — Китаево? Оно представляет собой большое урочище, изогнутое в виде латинской буквы «S», окруженное лесистыми холмами и открывающееся своим северным концом в долину Днепра. Дно урочища затоплено живописными искусственными озера-

ми с проточной водой. В южной половине Китаева, на полуострове, омываемом озерами с востока, расположена Свято-Троицкая Китаевская пустынь — в прошлом скит Киево-Печерской Лавры, а ныне самостоятельный мужской монастырь. В географическом отношении Китаево — жемчужина в дивном ожерелье из тех киевских православных храмов и монастырей, что стоят на высотах или склонах холмов, образующих правый коренной берег Днепра. В пределах Киева эти холмы выстроены полувенцом, обращенным «челом» к Востоку, откуда воссиял нам свет спасения. Во главе полувенца, украшающего лицевую сторону «Второго Иерусалима» и «Матери городов русских», возвышается колыбель восточнославянского монашества — Киево-Печерская Лавра. Именно у ее стен «горы киевские» ближе всего подходят к Днепру — Иордану Руси, а севернее и южнее обители — постепенно удаляются от реки. На северном крыле полувенца, в 4 км от Лавры, на территории киевского кремля XI—XIII веков, стоят Софийский и Андреевский соборы. Первый возведен в начале XI века и является древнейшим из сохранившихся каменных храмов Руси. Второй сооружен в середине XVIII столетия на средства российской императрицы Елисаветы Петровны, о чем читатель помнит из прочитанного жития пр.

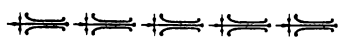

Досифеи. Китаевская же пустынь приютилась на южном крыле полувенца надднепрянских святынь, в 7 км от Лавры.

В историческом плане Китаево — это мозаика из срезов эпох. На заре Киевской Руси на том самом полуостровке, где стоит теперь пустынь, была возведена небольшая крепость. В начале XI века вместо нее построили более мощную, но уже на новом, более выгодном месте — на холме, отделяющем урочище от долины Днепра и господствующем над окрестностями. До сих пор зовут этот холм Китай-горой. Ну, а там, где находились первые укрепления, возник посад, достигший со временем огромных размеров. Именно с крепостью и связывают сегодня название «Китаево», ибо в тюркском языке слово «китай» означает крепость или укрепление. Отсюда и название Китай-города в Москве, являвшегося придатком Кремля, и имя целой страны, отгороженной от России Великой Китайской стеной. Крепость в Китаеве была важным форпостом в системе укреплений на южных подступах к Киеву, вынужденному при св. равноапостольном князе Владимире (+1015) и его сыне Ярославле Мудром (+1054) защищаться от кочевников-печенегов.

Существует и другое толкование названия урочища, связанное с предположением, что в Ки-

таеве имел загородную резиденцию св. благоверный князь Андрей Боголюбский (+1174). Именно эта версия, как помнит читатель из «Сказания» о пр. Досифее, привела в 1744 году в Китаево императрицу Елисавету Петровну. Основанием для указанного предположения послужила так называемая «Грамота князя Андрея Боголюбского Киево-Печерской Лавре», укреплявшая за последней права на многие земельные владения. В документе князь самого себя величает «Китай, названный во святом Крещении Андреем». Оригинал грамоты был утрачен еще в средние века. Текст документа известен по списку конца XVI века, выполненному, однако, уже на языке своей, а не домонгольской эпохи, с употреблением невозможных для Руси XII века терминов и литературных оборотов. Это обстоятельство вызвало в среде ученых сомнения в достоверности грамоты. Но, как предполагает современная исследовательница данного вопроса И. Жиленко, причиной изменения текста документа явилось желание лаврских иноков адаптировать смысловое содержание подлинной грамоты к восприятию читателя конца XVI века. Кто бы ни был прав из специалистов, историческое начало монашеской обители в Китаеве традиционно относят к XVII веку. До этого времени урочище успело превратиться в насто-

ящую пустынь: крепость была разрушена в 1240 году монгольской ордой, а посад постепенно угас в XV столетии. Одновременно с наземным скитом, устроенном на месте первоначальной крепостицы (на полуостровке), а, может, и ранее, появляются также и подвижнические пещеры в склонах Китай-горы.

О том, каким светильником веры и благочестия стала для Православной Руси Свято-Троицкая Китаевская пустынь, свидетельствуют составленные священником Владимиром Зноско жития подвижников обители, в том числе предложенное в настоящем издании «Сказание». Пр. Досифея — исторически первая из известных по имени Угодников Божиих, просиявших в Китаеве в XVIII—XIX веках. Век спустя после нее в пустыни подвизался ставший известным на всю Российскую империю Христа ради юродивый старец-схиеромонах Феофил (+1853). Здесь он иносказательно предрек российскому императору Николаю I поражение в Крымской войне 1853—1856 годов. У пр. Феофила духовно окормлялись будущие знаменитые киевские подвижники — Христа ради юродивый рясофорный инок Паисий (Яроцкий, +1893), также прошедший впоследствии часть своих подвижнических лет в Китаеве, и последний духовник Киево-Печерской лавры до-

революционного времени старец-иеромонах Алексей (Шепелев, +1917).

И как назидательно переплетены Промыслом Божиим земные судьбы подвижников! Сделав окончательный выбор своего жизненного пути, Дарья Тяпкина начинает подвизаться в стенах Троице-Сергиевой Лавры. Там же, тремя с половиной столетиями ранее св. благоверный князь Димитрий Донской, пожаловавший Тяпкиным дворянство, получил благословение пр. Сергия Радонежского (+1392) — «игумена земли Русской» — на защиту отечества от ордынских полчищ. Волей Божией оказавшись в Киеве, Дарья избирает местом своих подвигов окрестности обители, престольный храм которой освящен также во имя пр. Сергия Радонежского. Эта деревянная церковь, построенная в Китаевской пустыни в 1716 году, уже на глазах пр. Досифеи будет заменена в 1763—1767 годах каменной, во имя Святой Троицы, с приделами пр. Сергия и святителя Димитрия Ростовского. Последний незадолго до того был причислен к лику святых. Уроженец Киевщины, он преставился в 1709 году, будучи правящим архиереем Ростова Великого — родины пр. Сергия. И даже самая кончина пр. Досифеи случилась в день памяти Радонежского игумена. Благословив на монашеский по-

двиг в Саровской обители будущего пр. Серафима (+1833), св. Досифея почил так же, как спустя полвека почил и Саровский Угодник — на коленях пред иконой. В 1904 году, вскоре после прославления пр. Серафима в лике святых, в Китаево будет сооружен храм в его честь. Как и вышеупомянутая церковь Святой Троицы, и более поздняя по времени постройки скитская церковь Святых 12 Апостолов (1835), Серафимовский храм сохранился до наших дней. Взаимосвязь событий земной истории постоянно напоминает о единстве мира Горнего, в который призван Господом каждый из нас... И вспоминаются слова пр. Досифеи, сказанные ею своему келейнику Феофану: «Перед Богом все равны, чадо. Здесь (в Киево-Печерской Лавре) — Антоний и Феодосий. Там (на Соловках) — Зосима и Савватий».

Память пр. Досифеи благоговейно чтилась православными христианами со дня кончины подвижницы. При описании Китаева паломнические путеводители дореволюционного периода, как правило, обязательно упоминали ее могилу. И молитвами Преподобной, а вместе с нею и других Угодников Божиих, Свято-Троицкая Китаевская обитель, упраздненная советской властью, в начале 90-х годов XX века была возрождена. В 1990 году специалисты отдела «Киев подземный» Му-

зая истории г. Киева начали расчистку практически полностью заваленных пещер пустыни. Продолжила эту нелегкую работу братия восстанавливаемого монастыря. В ходе реставрации престольного Троицкого храма было приведено в ухоженный вид примыкающее к северной церковной стене, разоренное и заросшее крапивой монашеское кладбище. На могиле пр. Досифея вновь появился надгробный памятник. В 1993 году в Киево-Печерской Лавре совершилось торжественное прославление подвижницы в лике местно-чтимых святых г. Киева. Сегодня, помолившись у почивающих под спудом мощей преподобной, паломники поднимаются на Китай-гору, дабы побывать в ископанных здесь подвижнических пещерах. Подземелия эти моложе аналогичных лаврских, но зато в значительно меньшей степени реконструированы и сохранили почти первозданную обстановку. В большинстве пещерных коридоров и келий своды, стены, полы и лежанки до сих пор земляные. Именно в таких условиях совершала свой молитвенный подвиг пр. Досифея, а за семь столетий до нее, в Лавре — преподобные Антоний и Феодосий Печерские...

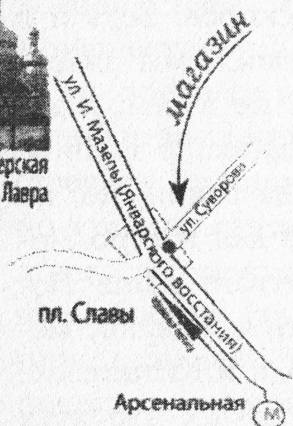
Какая из подземных Китаевских келий принадлежала пр. Досифею? На этот вопрос сегодня трудно ответить. Во-первых, даже специалистам,

изучающим историю пещер пустыни, неизвестно полное число ископанных в окрестностях обители подземелий. Во-вторых, как свидетельствует рассказанная В. Зноско история сооружения в Китаево пещерного храма, в XIX веке некоторые из подземелий пустыни изменили свой вид. Но это не должно повергать нас в скорбь. Ведь и в Лавре, подходя к раке пр. Антония, мы знаем, что мощи подвижника покоятся не в ней, и даже не под нею, а за иконой Угодника, в глубине пещеры, которая продолжается за ракой, но, по лаврскому преданию, недоступна для нас по молитвам самого преподобного. Оттого наша молитва к св. Антонию не становится, однако, менее усердной. Точно так же, входя в Китаевские пещеры, возблагодарим Господа за то, что хотя бы часть их вновь стала доступной для нас, что мы видим, какие телесные подвиги совершены были здесь ради Господа, что мы пришли в место, где произнесено столько молитв о спасении Руси. Да не умалятся эти молитвы Угодников Божиих о нас до скончания времен!

Дорогие о Господе братья и сестры!

Имеем честь и духовную радость
возвестить, что при Обществе Любителей
Православной Литературы работает

ПРАВОСЛАВНАЯ КНИГА ДЛЯ МНОГИХ

тел.: 531-94-13

ПУ "Навигатор" (пл. Славы)

часы работы: 10:00-20:00

www.ortbooks.mrezha.net E-mail: st-leo@mail.ru

Отпечатано на полиграфическом комбинате
в честь иконы Божией Матери «Смоленская».

Ответственный за выпуск: Зиневич Г.Э.

